

БЛИО
Звук

Мы не
МОЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Элен Блио

Ты не моя

<https://litres.ru/73916633>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Это мой ребенок, Яна?

- Да.

Слышу её ответ, и словно в пропасть со скалы срываюсь.

Я любил Яну больше жизни. Чуть не погиб из-за неё, а она предала, растоптала мои чувства.

Судьба снова свела нас вместе, я спас бывшую от мужа-тирана, и теперь хочу одного – забрать у неё свою дочь. Увы, мать ребенка идет в комплекте.

Элен Блио

Ты не моя

Глава 1

- Это мой ребенок, Яна?

- Ты же сам видишь... - голос её усталый, хриплый, словно... словно сорван от крика.

Я очень хорошо помню, как она умеет кричать. Не в пылу ссоры, совсем по другому поводу. В пылу страсти...

Так, Гордеев, нашел время!

- Ты прекрасно поняла, что я не о Злате, – бросаю быстрый взгляд туда, где спит крошечная курносая девочка с белокурыми волосами, копия моя мать, - я о другом.

Смотрю на живот, который Яна прикрывает рукой. Несколько часов назад мы забрали ее из клиники, она лежала на сохранении после открывшегося кровотечения...

- Он мой?

Молчит.

Естественно.

Разве ты ждал чего-то другого, дружище? Опускаю голову. Смешно.

Бизнес-джет на котором мы возвращаемся с Кипра в Москву слегка трясет. Монотонный шум двигателей давит. Обстановка тоже.

Нас разместили в спальном отсеке – тут почти все пространство – большая кровать.

На ней сейчас лежит двухлетняя малышка, и сидит молодая женщина, женщина, которая так и не стала моей.

Спальня в бизнес-джете впечатляет роскошью - отполированное дерево, кожа.

Роскошь, к которой привыкла Яна, и к которой не очень привык я, Вячеслав Гордеев. Слишком гордый, как презрительно заметил как-то её отец.

Почему нужно постоянно нарываться на те же грабли? Каждый хренов раз?

- Яна?

- Да. – голос звучит гулко, глухо, как приговор.

Одно слово. И словно срываюсь со скалы в пропасть. Лечу вниз за собственной судьбой. Не уверен, раскроется ли парашют на этот раз.

Потому что я знаю, что значит это её – да.

Дьявол... как же больно.

Почему же ты все время делаешь мне так больно, любимая? За что? Чем я заслужил? Тем, что просто любил тебя? Хотел дышать только тобой?

Пытался забыть, проводил эксперименты. Мне даже казалось, удачные.

Удачные. До первой встречи с тобой...

- Слава...

Моя очередь молчать. Я не знаю, что сказать ей. Просто

не знаю!

Хочется выть. Орать! Разбить что-то... Сломать! Ударить!

- Слав...

Только не её.

Понимаю, что сжимаю кулаки так сильно, что белеют костяшки пальцев. И челюсти тоже сжимаю.

Значит, вот так, да?

Одного ребёнка она у меня отняла три года назад, когда променяла меня на денежный мешок, дружка своего папашы – коррупционера.

Теперь хочет отнять и второго?

Нет уж... Не выйдет!

Так не пойдет, девочка! Я уже не тот простой парень, которого шавки твоего отца могли избить до полусмерти и оставить на морозе подыхать.

Ты все это время жила в своем идеальном мире, была идеальной супругой идеального мужа-бизнесмена.

А я пахал как проклятый. Развивал свою компанию. Выторговал у своего папочки долю в его бизнесе. Поднимался как мог, чтобы выйти на новый уровень.

Почти вышел. Осталось совсем чуть-чуть. Еще пара сделок. И большой проект, который осталось чуть-чуть доработать. Код программного обеспечения, который увеличит мой банковский счет настолько, что я сам смогу заказывать когда захочу без проблем полет на бизнес-джете.

- Слава...

- Что?

Смотрю на неё, стараясь понять, почему в такой хорошенькой головке столько подлых мыслей? И почему ей все время удается меня провести?

Почему я каждый раз обманываюсь, думаю, что она чистая, наивная девочка, простая и милая. А оказывается...

Хотя нет, врешь ты все, Гордеев. В последний раз ты совсем не думал о ней, как о невинной и чистой.

Ты просто хотел унижить её. Доказать самому себе, что ты можешь, что она ничего не значит, что это будет просто одна ночь.

Закрыть гештальт.

Закрыл.

А теперь она опять носит твоего ребенка!

Она – жена другого! Зачем-то опять забеременела от тебя! Как будто ты просто поставщик биоматериала!

- Прилетим в Москву, поедem в клинику.

- Зачем?

- На аборт.

- Что? Ты... - смотрит на меня шокировано, не понимающе...

Не ждала, детка? А что ты хотела? Думала, я так и буду просто донором для твоей семейки? Нет уж, дорогая. Не можешь забеременеть от мужа – обращайся в клиники, или ищи других дураков...

- Слава!

- Или второй вариант. Разводишься, и выходишь за меня. Поняла? Я не позволю, чтобы и этого моего малыша растила какая-то бандитская шваль!

- Слава...

- Хватит, Яна. Ты меня слышала. – Говорю твердо, даже жестко, прямо глядя ей в глаза. - И насчет дочери – я настаиваю на том, чтобы был сделан тест ДНК. После того как получу результаты начну оформлять документы. Я хочу быть ее отцом официально.

- Он убьет тебя... - шепчет дрожащими губами.

- Неужели? А ты не боишься, что это я убью его?

- Слава, пожалуйста...

- Что?

Хочется схватить её за длинную шейку и потрясти так, чтобы вытрясти дурь из её башки!

Но что-то идет не так. Это она хватает меня за шею. Притягивает к себе и...

Я не могу оторваться от ее губ. Это как божий дар или проклятие. Просто не могу.

- Слава, пожалуйста... мне просто... - горячий шепот, словно жилы из меня вытягивает, засасывает в омут, как... как пение сирены, - мне просто нужно еще немного времени. Я всё решу, я...

Отталкиваю ее, так, что она падает на кровать, едва не задев нашу малышку, которая спокойно спит, забавно сло-

жив ручки под щечку.

- Ты... ты просто тварь.

- Слава, я...

- Я всё сказал. Аборт или свадьба. И тест ДНК с последующим усыновлением.

- Слава... пожалуйста. Он тебя убьет...

- Думаешь, мне страшно? Я уже мёртв, Яна. Давно мёртв. Умер тогда, когда ты бросила меня на съедение шакалам своего отца.

- Ты ничего не знаешь...

- Конечно нет. Тебе показать шрамы? Ах да, ты уже их видела, когда затащила меня в постель...

- Он меня обманул. Отец. Он сказал... он сказал, что ты взял у него деньги и бросил меня.

- Что?

Медленно поворачиваю голову - просто сцена из драмы.

Яна сидит на кровати поджав ноги, по щекам текут слезы. Она такая красивая, что мне больно. И лживая. Зачем я слушаю её?

- Он сказал, что ты вернулся в Лондон.

- И ты поверила?

- Отец меня никогда не обманывал. Он сказал, что тебе нужны были только его деньги.

- Прекрасно. Пять баллов твоему отцу за удачную историю. В духе трагедии Шекспира, не находишь? Или не дотягивает до классики?

- Слава...

- Замолчи, пожалуйста. Голова раскалывается. Не могу говорить. И не хочу. Отдыхай, скоро самолет сядет. На земле будем решать, что делать.

Встаю, чтобы выйти в салон, где сидят остальные пассажиры – моя бывшая невеста Надя, её нынешний жених Ильяс, их сын...

Да уж, самолеты на мой рост явно не рассчитаны, два метра с копейками – это слишком.

- Слава, пожалуйста, побудь со мной... с нами.

Бросаю на неё взгляд, хочется, чтобы он был презрительный, но явно получается плохо.

- Извини, не могу. Увидимся на посадке.

А на посадке нас ожидает сюрприз.

- Я забираю её, моя дочь поедет со мной!

Глава 2

Прекрасно! Просто прекрасно!

Смотрю на человека, стоящего передо мной.

Мне кажется, или он уже не так уверен в себе, как прежде? Сдал, старичок?

Ухмыляюсь, до старичка ему, конечно, еще далековато, отец Яны в свои пятьдесят с копейками выглядит как огурчик. И что с ним сделать? Замариновать? Или в салат пустить? Или приготовить это, как его называют, корейское блюдо, битые огурцы, по-нашему...

- Моя дочь поедет со мной.

- Отлично. А моя со мной! – держу сонную белокурую малышку на руках, прижимая к себе. Пусть попробуют забрать!

- Слава...- поднимаю взгляд на мать девочки, надеюсь, удастся показать полное безразличие.

Мы стоим у самолета.

Москва встречает не ласково. Холодно. Куртка у меня достаточно легкая. Яна тоже легко одета, а ей вот совсем сейчас нельзя замерзать. Хорошо, что у дочки теплый комбинезон и мягкая шапочка.

Прямо на полосе два огромных черных внедорожника и седан представительского класса. Странно, почему не «Роллс-ройс», бабла не хватило? Или чиновникам такого уровня еще не положено?

Чуть поодаль стоят еще две машины. Рядом молодые парни, их четверо. Это, как я понимаю, друзья Ильяса, которых он попросил нас встретить.

Ну что ж, проверим, насколько стальные у них бубенчики. Делаю шаг в сторону машин, чувствую, что меня пытается удержать слабая рука.

- Слава, пожалуйста, послушай...

Нет, любимая, наслушался, хватит.

Честно? Плевать, что она скажет. Наверное, впервые реально плевать. В мозгах сейчас столько всего намешано, не могу думать, не могу разложить по полочкам, да и не важно.

- Слава, остановись! – Яна забегает вперед, пытаюсь сдержать меня, - Стой!

- Цирк какой-то, - это папаша берет слово, - заберите у него ребенка.

Ага, дал-таки команду своей охране, ну что ж...

- Отец, нет! Остановись!

Передо мной вырастают два амбала из охраны. Молча преграждают путь.

Вижу, как со стороны тех, дальних машин выдвигаются парни. Да уж. Прямо как в боевике.

- Добрый вечер, какие-то проблемы? – а это горец Ильяс вступает в диалог, спускаясь по трапу.

Да уж, кто бы мне сказал несколько дней назад от кого я приму помощь! И при каких обстоятельствах!

Один из охранников тянет руки к девочке, которую я прижимаю к себе.

Я понимаю, что действую нерационально, но у меня реально включился какой-то непонятный режим. Чувствую, что в данную минуту готов убивать. За своё.

За то, что принадлежит мне! За вот этот вот светловолосый курносый комочек у меня на руках, которого я был лишен!

- Руки, - говорю низко и резко, - напугаешь ребенка, я тебе их вырву и вставлю в другое отверстие, ясно?

Все-таки, хорошо быть высоким. Охрана у Янковского тоже не маленькая, но до моих двух десяти им сантиметров двадцать - двадцать пять.

Я привык смотреть свысока, так что.

- Слава, - глаза бывшей наполняются слезами, губы иску-
санные дрожат. Не трогает, раньше надо было. Хотя вру, тро-
гает, чёрт, до сих пор по живому, - пожалуйста.

- Я дал тебе выбор, Яна. Или едешь со мной, или...

- Ты не понимаешь. Нам сейчас лучше будет у отца, под
охраной, я же тебе говорила, что...

- Можешь оставаться под охраной отца. Моя дочь будет
под моей охраной.

- Слава!

- Да что вы там мнетесь, я сказал, забрать ребенка...

- Отец, нет! – кричит, лицо перекошено, а ей нельзя вол-
новаться, она...

Впрочем, я ведь сам ей предложил избавиться от незапла-
нированного залёта?

- Не надо, они испугают Злату, я прошу!

- Яна, у меня нет времени на разборки! – ишь, какой! Нет
у него времени на дочь! Урод моральный. Это ведь по его
милости она вышла замуж за еще большего урода? Или он
не знал, чем его зятек промышляет?

- Слав, послушай, - снова встречается Ильяс, ему-то чего
неймется? Тоже захотел схлопотать? Ему сейчас нужно ду-
мать о невесте, свадьбе, ребенке своем. – Сейчас не время,
действительно.

- Рот закрой, горец, а?

Он подходит ближе, оттесняя одного из охранников. Го-
ворит тихо.

- Слав, девочкам твоим в самом деле сейчас нужна защита, и...

- Тут только одна моя девочка, и ее защиту я уж как-нибудь обеспечу.

- Да что вы все стоите и слушаете его, твою ж дивизию... Краем глаза вижу, Янковского, приближающегося ко мне, тянущего руки к малышке.

- Папа, нет! - Яна бросается ему наперерез, прикрывая меня и ребенка. - Пожалуйста, пап, я сама с ним поговорю, я...

- Не наговорила еще? Не «накувыркалась»? Дура! Говорил тебе тогда еще не связываться со всякими щенками...

- Отец!

- Вы её, зато связали с кем надо, да? - не выдерживаю, плюю в него ядом, - В курсе хоть, что он с вашей дочерью вытворял?

Вижу желваки, играющие на его лице, взгляд полный ярости. В курсе, значит, папашка-то...

- Отличный выбор, браво, товарищ бывший губернатор, скажите мне спасибо за то, что сейчас видите свою дочь живой. И внучку тоже. Внучку, правда, в последний раз. Ильяс, вещи мои и Златы довезешь до машины?

- Слава, нет.

- Ян, с дороги уйди.

- Не уйду!

- Слав, прошу, пожалуйста, ради... ради меня... - губу закусывает, понимая, что не то сказала, хотя, ради неё я ко-

гда-то был готов на всё, и сейчас... нет, сейчас точно нет. В данную минуту не готов идти на поводу. – ради Златы! Прощу! Нам нужно ее спрятать, это ненадолго. Его скоро найдут, его посадят и...

- Яна, дочь, время теряем! Забери у него ребенка, если не хочешь, чтобы мы это сделали!

- Попробуйте! – смотрю зло, прекрасно понимая, что силы не равны.

Я блефую. Сколько у него охранников еще сидят там, в машинах? Плюс водители. На нашей стороне я, Ильяс – уверен, он поддержит, - его парни, четверо. Не густо. Не потянем. Вряд ли у друзей Умарова есть что-то посерьезнее кулаков. Да и что кулаки простых ребят против охраны кремлевского чиновника?

Но просто так я дочь теперь не отдам. Им придется меня убить.

Понимаю, что неправ в эту минуту, но в башке полный фарш. Кроет меня.

Который день уже кроет.

Сначала от ситуации с Надей, с разорванной помолвкой. Потом от истории с Яной, от того, что я узнал о дочери, которую она, по сути, скрывала.

- Слава, - это снова Ильяс, - слушай, брат, если все так серьезно, может, имеет смысл сейчас.

- Я не отдам им ребенка. Я сам ее спрячу так, что никто не найдет.

- Послушай, Гордеев, я с тобой сейчас нормально разговариваю только из-за внучки.

- И ты меня послушай, Янковский, - смотрю прямо в глаза этому кретину, пусть осознает, что прогибаться я не намерен. — я тоже с тобой разговариваю, только из-за дочери. Забирай свою и уматывай. А моя останется со мной.

- Подумай хорошо. Им сейчас на самом деле лучше со мной. — замечаю в его глазах дикую усталость. И еще что-то. Боль? Страх?

- Слава, пожалуйста, поедem с нами. Я... я больше ни о чем не буду просить, никогда, только вот сейчас, пожалуйста, сделай так как прошу. Ты знаешь, мне нельзя сейчас волноваться, пожалуйста...

- Никогда просить не будешь? Жаль, мне нравилось, когда ты просила...

Перед глазами мелькают кадры той, последней, тайной, распутной ночи.

«Слава, пожалуйста, прошу тебя, пожалуйста...»

Чёрт, если бы я держал себя в руках, не пошел на поводу, не повелся на просьбы... Она не была бы сейчас беременна от меня.

- Слава...

- Выбирай, - сам не ожидаю того, что говорю ей, - едешь со мной или с ним. Один шанс у тебя Яна Янковская. Один шанс.

Глава 3

Один шанс...

Он серьезно?

Не понимает, что шансов у меня в принципе нет?

Голова снова кружится, тошнота подступает. Проклятый токсикоз, как всегда очень вовремя. Еще и знобит от холода.

Смотрю на высоченного мужчину, стоящего передо мной. Когда увидела его первый раз, был шок. Ну, у меня в тот момент в принципе был шок, но...

Интересно, можно ли привыкнуть к этому? К его росту? За то короткое время в прошлом что мы были вместе я так и не привыкла.

Опять думаю не в ту сторону, как сказала бы мама.

О себе надо думать, о себе... Именно.

Я и думаю. Стараюсь, по крайней мере.

Низ живота снова опасно тянет, доктор в кипрской клинике настоятельно рекомендовала воздержаться от волнений.

Если бы это было так просто!

Если бы люди вокруг меня, самые близкие люди понимали, что мне на самом деле нельзя нервничать.

Но им все равно. Думают о себе. Тешат свои амбиции. Каждый из них.

И отец, хотя, к моему удивлению, он ведет себя довольно сдержанно.

И... Слава. Вячеслав Гордеев. Он тоже отец. Отец моей дочери. Отец ребенка, которого я ношу под сердцем. Мой любимый мужчина. В прошлом.

Ну, это я так думала.

Любимый мужчина. Мой спаситель. Мой личный великан. Мой личный «Дядя Степа» из детского стишка. Или «дядя, достань воробушка».

Мы с ним встретились случайно. Хотя это не правда.

Случайных встреч не бывает. Случайность – непознанная закономерность, это я хорошо выучила. Жизнь заставила. Судьба.

Ей нужно было снова надо мной посмеяться, когда, идя по променаду вдоль пляжа на острове Афродиты я увидела его...

- Один шанс.

Прожигает взглядом полным ненависти. Я и не думала, что он умеет вот так смотреть! Оказывается умеет.

Шанс! Какой шанс?

Что мой муж, пока еще не бывший найдет нас?

Отберет ребенка, хотя прекрасно знает, что дочь ему не родная! Отберет просто потому, что знает, без дочери я буду страдать. А ему очень нравится причинять мне страдания.

Заберет Злату. Хорошо если нас оставит в живых.

Он ведь уверен в своей безнаказанности. Несмотря на то положение, которое сейчас занимает мой отец. Несмотря на его деньги и власть.

Отец очень долго внушал мне, что жена обязаны во всем слушать мужа.

«Да убоится жена мужа своего».

Сначала он внушал это моей матери, потом мне. Мать легко поддавалась всегда. Она любила отца. А еще любила шикарные дома, машины дорогие шмотки, украшения, и ту свободу, которую, как ей казалось все это дает. И превосходство, которое дает власть она тоже любила. Увы, это её не спасло.

Стою на продуваемом ветрами летном поле, ёжусь зябко. Оглядываюсь на отца. Почему-то замечаю, что он сдал. Осунулся, мешки под глазами, морщины неожиданно резко стали очерчены. Виски у него седые давно, волосы как-то поредели. В глазах усталость и боль, и разочарование.

Интересно, он разочарован во мне? Или все-таки в себе? Ведь если честно, то это он облажался по полной?

Выдал меня замуж, нашел прекрасную партию, сына уважаемых людей, богатого, красивого, умного. И гнилого насквозь. Избалованного донельзя. Просто... просто больного на голову ублюдка, который...

Не важно, передергиваю плечами. Не сейчас. Не вспоминать. Не погружаться в пучину ужаса.

С матерью отец тоже облажался. Не смог спасти.

Сейчас у него последний шанс что-то исправить. И вместо того, чтобы вести себя нормально он снова давит.

Снова пускает всё под откос.

- Яна, время! – сжимает челюсти.

Время... у отца никогда не хватало для меня времени. Вот и сейчас. Важнее время. Не дочь и не внучка.

Важнее показать свою значимость.

Поворачиваю голову к Славе.

Странно, что именно сейчас они с моим отцом удивительно похожи. У Славы тоже сжаты челюсти. Правда в глазах у него скорее гнев и ярость. И выглядит он как никогда хорошо...

Хорошо ему было с его Наденькой? Только... получается, Надя ему тоже изменила? Хотя, почему тоже? Я ведь не изменяла? Просто взяла и вышла за другого. Слава же именно так считал?

Бросила его, обманула, предала.

Да, вот такая я... предательница. Что поделать?

Одна во всем виновата, да? Это ведь они оба так думают? И мой отец и отец моей дочери?

Два отца, вступили в противоборство. Им обоим плевать, что перед ними уставшая беременная женщина, у которой нервы ни к чёрту, которая рискует потерять ребенка и вообще лишиться возможности иметь детей...

Слышу стук каблучков, поднимаю голову – по трапу спускается Надя.

Та самая Надежда, любимая девушка моего Славы, или уже не его?

Кажется, она что-то говорит, но я не слышу.

Смотрю на неё и проваливаюсь в черную дыру.

Глава 4

- Вы с ума сошли? – резкий женский голос разрезает тя-

гостную тишину.

Надя в своем репертуаре! Отдает своего сына стюарду и быстро идёт вниз по трапу, глаза словно молнии мечут. Не успеваю ухмыльнуться, потому что вижу, что Яна медленно оседает вниз.

Приплыли!

У меня получается удержать Яну одной рукой, но второй я, видимо, прижимаю малышку, которая резко просыпается и начинает реветь от страха.

- Тише, тише, маленькая...Т-ш-ш...

С другой стороны, Яну подхватывает отец.

- Отпусти её, слышишь, Гордеев?

- Да что ж это такое! – Надя подскакивает к нам, смотрит то на меня, то на Янковского. – Слава, дай мне ребенка!

Надя забирает из моих рук дочь, прижимает к себе начиная успокаивать.

- Тише, тише, маленькая, все хорошо! – гладит малышку по голове, и гневно смотрит на нас, - Вы что творите?

- Не лезьте не в свое дело. – грубо обрывает её отец Яны.

- Полегче! - это Умаров, вступается за Надю, bravo, горец!

- Буду лезть! – Воробушек-Надя только что ногой не топает. – Вашей дочери нельзя волноваться, она только что из больницы, а вы... Напали как два петуха!

- Что? – Янковский явно в ярости, не ожидал такой отповеди. – Ну, хватит, надоело. Я забираю дочь, внучку, мы уезжаем.

- Никуда вы не уезжаете! – ого, Надя сегодня решила всех «сделать»? – Яну срочно нужно отвезти в больницу. Я обещала ей, что помогу, и я помогу!

- Я сам в состоянии позаботиться о дочери! – Янковский поливает Надю презрением, но не на ту напал.

- Неужели? Это не ваша дочь в обмороке сейчас? У неё, между прочим, было кровотечение, она чуть ребенка не потеряла. А вы...

Надя демонстративно достает из кармана тонкого пуховичка телефон, давая понять, что на угрозы Янковского ей плевать.

Молодец, сильная девочка, я всегда это знал. Смотрю на Умарова, который тоже, кажется, в легком шоке. Да уж... повезло горцу...

- Алло, Товий Сергеевич? Узнали? Да, это я... Срочное дело. У меня тут девушка, беременная, кровотечение было, сейчас обморок, только с самолета, да...

Яна стонет, начинает шевелиться, видно, приходит в себя, чувствую, как её руки меня обнимают, цепляются за тонкую майку-поло, она открывает глаза, смотрит на меня.

- Слава...

Чёрт, она в этот момент такая... Как та двадцатилетняя девчонка, которую я когда-то спас от отморозков. Невинная, немного наивная... безумно красивая.

- Слава...

- Все будет хорошо, - говорю тихо, глухо, сам не верю сво-

им словам. Разве будет? Хотя когда-нибудь?

- Слава... я... я люблю тебя... - Что? Шепчет одними губами, и так, что вижу и слышу только я...

Дышать тяжело. Камень в грудной клетке давит. Больно, очень больно.

Зачем же ты врешь, девочка? Я же всё равно... всё равно не поверю, даже если очень хочется.

- Слава, я договорилась, вас ждут. Везите её туда скорее. - Надя раздает команды, и как ни странно, я вижу, что Янковский ее слушает. – эта клиника одна из лучших в столице, вы, наверняка знаете. Главврач Товий Сергеевич Коршунов, слышали?

- Хм... Слышал, - Янковский, прищурившись смотрит на Надю, - Спасибо. Давайте мне ребенка, а ты... Горде-ев...неси Яну в машину.

- Ильяс, возьми у Нади ребенка, пожалуйста, помоги до машины донести. – смотрю на отца Яны, нагло ухмыляясь.

Умаров забирает у Нади малышку, которая уже снова спокойно спит.

Янковский презрительно хмыкает.

- Клоун...

- От клоуна слышу.

Поднимаю Яну на руки, несу к автомобилю.

Илик за мной, у него в руках моя дочь и мой чемодан.

Оглядываюсь – Надежда стоит, положив ладонь на предплечье отца Яны, что-то объясняет. Странно – тот кивает,

слушает её. Нонсенс.

Осторожно сажаю Яну в машину.

- Слава...- еле разлепляет губы, которые мне почему-то мучительно хочется поцеловать.

- Лежи спокойно, все будет хорошо...

Выныриваю из авто, забираю у горца дочь.

- Спасибо, Ильяс.

- Пожалуйста. Позвони Наде потом, сообщи, что и как. И если нужна будет моя помощь...

- Ты уже помог. Увел невесту у меня, сейчас бы я сидел на пляже, ел бы свадебный торт.

- Дурак ты, викинг, - Илик ухмыляется.

- Сам ты дурак, горец. Береги её. Обидишь Воробушка...

- Не называй ее так. Она только мой Воробушек, понял?

- Ладно, спасибо за всё, бывай. Да, насчет бизнес-джета – я потом всё тебе компенсирую.

- Забей.

Обмениваемся рукопожатиями. Странно.

Вообще, жизнь странная штука. Пару дней назад я готов был его убить, по стенке размазать. А он меня.

И вот мыжимаем друг другу руки. Он помог мне спасти Яну и мою дочь.

Залезаю в машину с дочкой на руках.

Яна всхлипывает, дрожит.

- Не бойся, все будет нормально. Сейчас поедem в клинику...

- Я не буду делать аборт! – резко поворачивается, губы сжимает. – Как ты мог сказать такое?

- Поздновато тебя накрывает. Или... доходит как до жирафа?

- Сам ты... жираф. Ненавижу тебя.

- Неужели? Только что говорила, что любишь? Так как же, Яна?

Смотрю на неё ухмыляясь, хочется сказать что-то еще. Резкое. Чтобы сделать больно. Сдерживаюсь, вспоминая что только что в обмороке была.

И в то же время так хочется прижаться к её губам...

Молчит. Но глаза не отводит. Словно изучает.

Янковский садится рядом с водителем. Морщится – не привык к холопскому месту. Водитель сразу стартует, набирает скорость.

- Едем домой!

- Что?

Глава 5

- Что значит домой? Вы в своем уме? Везите в больницу! – я в ярости, а Янковский мерзко ухмыляется.

- А то, что ты сделаешь? Из машины выскочишь?

- Папа... пожалуйста! – голос у Яны совсем слабый.

- Клоуна своего проси...

- Мы едем в клинику, или... - авто набирает ход, я держу ручку двери, но она заблокирована. Твою ж... Ору как потерпевший, - Янковский, ты совсем совесть потерял? Твоя

дочь только что сознание теряла, а ты... останови, или я за себя не ручаюсь!

- Да уймись ты... Я просто перепутал. Но инерции сказал – домой. В клинику едем. Алик, к Товию вези, адрес помнишь?

Водитель кивает, продолжая набирать скорость.

Я качаю головой.

И этот человек меня клоуном называет?

И вообще... вот такие вот нашей страной руководят? Тогда сразу все понятно.

Яна тихонько стонет, когда машина переезжает лежащего полицейского. Вроде аккуратно он едет, но...

- Всё нормально? – смотрю на неё, стараясь быть бесстрастным. Замечаю, что Янковский подглядывает за нами в зеркало заднего вида. Хочется показать ему средний палец – раз он считает меня клоуном, зачем разочаровывать?

Яна пытается устроиться поудобнее, приходится её чуть приподнять, подставить свое плечо. Злата спит рядом со мной, с другой стороны, калачиком свернувшись.

Да уж... Почти семейная идиллия.

Только вот ни хрена.

Отняли у меня эту идиллию несколько лет назад. Вырвали с корнем.

Чувствую ладонь Яны на своей груди. Залипаю на ней. Чёрт. Когда-то это было приятно.

Когда-то...

А сейчас? Сейчас нет, Гордеев?

Кажется, Яна дрожит, её что, озноб колотит? Чёрт... Там, у трапа, было так ветрено, учитывая, что мы вернулись с Кипра, где была приличная для поздней осени жара...

- В салоне прохладно, сделайте теплее, Яна вся дрожит.

- Согреть не можешь? – вижу ухмылку Янковского, которая бесит нереально.

Твою ж... Он издевается?

- Я чужих жен не грею. – говорю, на него глядя, но при этом Яну не отталкиваю, и моя рука продолжает лежать на её талии.

- А что своей не обзавелся? Ты же вроде собирался?

- Папа... хватит...прошу... - говорит тихо, еле губы разлепляя.

- А вы что, следите за мной? Мне пора беспокоиться? Или... вам? Разве чиновник государственного аппарата может заниматься такими вещами? – говорю ехидно, ёрничаю. Ненавижу его, просто... дико ненавижу.

- Чести много, следить за тобой. Дочь, ты как там?

Ха, обратил внимание, наконец? Родитель, твою ж...

- Плохо, пап.

- Почему?

- Живот тянет, и...холодно. И... Если меня оставят в больнице, кто будет с Златой?

- Я буду, - отвечаю на неё не глядя.

- Её надо спрятать.

- Не волнуйся, дочь, я все сделаю. – Янковский говорит сухо.

- Вы уже сделали...- накатывает злость, хочется хорошенько отделать его, просто... взял бы и...

Чувствую, как рука Яны прижимается ко мне сильнее.

- Слава, пожалуйста...

Отворачиваюсь, смотрю в окно.

«Пожалуйста» ... Когда-то она вот тоже так говорила, всё пожалуйста и пожалуйста... Опасалась, что папаша обо мне узнает, что будет недоволен, а когда уже познакомились, просила быть спокойнее, не нагнетать, не вступать в споры, не высказывать свое мнение...

Я как дурак велся. Молчал. Был выдержанным. Не спорил.

Потом это всё мне хорошо аукнулось.

- Слава...

Чёрт, этот её голос...

Очень хорошо понимаю выражение «всю душу вынула». Именно это она со мной и сделала. И продолжает.

Подъезжаем к больнице. Нас уже ждут. К машине везут специальную каталку. Яна видит это в окно, сжимает мою ладонь, переплетая наши пальцы.

- Слава, мне страшно. Я не хочу его потерять!

- Не потеряешь, не бойся. – почему-то я, который пару часов назад сказал, что она должна избавиться от этого ребенка, теперь говорю совсем другое.

И... хочу, наверное, тоже другого...

- Ты пойдешь со мной?

- Мне надо остаться со Златой.

- Пожалуйста... Слава... Пожалуйста... - её лицо перекашивается от болезненной гримасы, в глазах сверкают слезы.

- Хорошо. – я понимаю, что она не манипулирует, но... - Если меня пустят.

Выношу ее из машины, кладу на носилки. Янковский тоже выходит.

- Как быть с девочкой? Она спит...

- Я возьму её с собой.

- Не дури, Гордеев, на хрена ребенку в клинику? Заразу цеплять?

- Это кто это в моей клинике заразу нашел? Игорь Янович, неужели вы? Ну, спасибо! Я запомню....

- Товий, да я не то...

- Понял, не дурак. – великан доктор неожиданно раскати-сто смеется. Они с Янковским обмениваются рукопожатиями. - давай, посмотрю на твою кралю.

Товий! Точно! Вспоминаю рассказы Нади о друге ее отца и отчима, который помогал ей. Сначала с поступлением в медицинское училище, потом с учебой. Он же и устроил ее работать к Ильясу. Со всеми вытекающими.

Надя долгое время не общалась с ним. Не хотела, чтобы Товий рассказал о ней Умарову.

Глупо на самом деле получилось... Это я сейчас хорошо

понимаю. Потеряла время.

Оказывается, ее любили, ждали... а она. Она тоже любила. И боялась...

Не могу не чувствовать свою вину за то, что Надя скрывала от Ильаса сына. И сама тоже пряталась.

Так, всё, Гордеев, у Нади теперь своя жизнь, наконец, и слава Богу. Больше не нужно её спасать, оберегать, защищать. Теперь этим будет заниматься ее горец. А я...

У меня теперь свои проблемы.

Беременная женщина, которую я любил когда-то.

И двухлетняя кроха, которую от меня скрывали.

Что ж... будем разбираться...

Доктор подходит к каталке, на которой лежит Яна.

Опять вспоминаю рассказы Надежды о нем. Он хирург-травматолог, главный врач этой клиники, которая частично принадлежит брату Ильаса Тамерлану. Именно в этой клинике работала Надя, тут и познакомилась с семьей Умаровых.

Получается, Янковский тоже знает и доктора Товия, и клинику. Наверное, не удивительно, клиника не простая, платная, для элиты. Интересно, сколько тут стоит прием? Нет, я на данный момент более чем обеспечен, думаю, папаша Яны будет сильно удивлен, узнав, чего я достиг за это время. Так что, я вполне располагаю средствами, чтобы оплатить и пребывание Яны в этом заведении и лечение.

Только бы ей помогли сохранить ребенка.

Неожиданно меня охватывает такая непонятная тоска. Чёрт... я ведь ей аборт предложил. Кретин... А теперь вот хочу совсем другого.

Пусть рожает. Я двоих детей вполне могу воспитать. Родит и... На все четыре стороны, ради Бога! Пусть дальше отец ей выбирает кавалеров, женихов, мужей.

Разве я не прав? С ней у нас все равно вряд ли что-то срастется. Я не смогу забыть предательства. А она?

Про неё не знаю. Если правда все то, что она говорила в самолете, то...

Лучше пока мне об этом не думать.

- Кто тут у нас? Ну, здравствуй, Яна-несмеяна. Все хорошо будет, не волнуйся, я узнавал. – поворачивается к санитарам, - Давайте красавицу эту в смотровую, доктор там уже ждет, сразу УЗИ, давление, не хорошо беременным в обморок падать, особенно после самолетиков. Летают, глупые, о детях не думают... Всё, всё, расслабься, говорю, все будет отлично.

Он похлопывает Яну по руке, кивает и каталку везут на пандус.

После доктор поворачивается ко мне, оглядывает критично, хмыкает - я понимаю почему, он сам довольно высокий, но до двух метров не дотягивает. А у меня еще десять сантиметров сверху...

- Так, великан, давай ты тоже, с малышкой заходи, устро-

им вас в лучшем виде. Спит, дитё и хорошо, будить не будем.

- Товий... - Янковский неожиданно говорит не обычным наглым, надменным тоном, просит! - Мне с дочкой можно?

Товий усмехается.

- Все можно. Любой каприз за ваши деньги, как говорится. Тем более, такие люди за вас хлопотали.

Даже странно, что Янковский не отвечает на выпад доктора, неужели действительно уважает хоть кого-то?

Нас провожают в специально подготовленную палату, я раздеваю дочку.

Она просыпается, начинает хныкать, прижимаю ее к себе, пытаюсь успокоить и понимаю, что ей нужно поменять памперс – для меня это, в принципе, не трагедия, был опыт с Ником, сыном Нади. Но вот где найти чистый? Вещи Яны остались в машине. Словно прочитав мои мысли Янковский говорит:

- Я наберу Алика, он принесет сумку с вещами. Или ты сбегай, а я с ней посижу.

Хочу ответить, что я не мальчик на побегушках, но это будет, наверное, совсем не вежливо. И потом, это нужно моей дочери.

Янковский достает телефон, но почти сразу в палату заходит Товий и пожилая медсестра с небольшой тележкой, на которой и памперсы и салфетки, и бутылка с молоком.

- Великан, извиняюсь, не знаю вашего имени...

- Вячеслав.

- Славик, значит? Иди, Яна-несмеяна зовет. Ребенка оставь, Мария Степановна всё сделает.

Медсестра подходит ко мне, улыбается ласково, глядя на Злату.

- Кто тут у нас такой сладкий, сейчас мы все сделаем, помоем, накормим, и снова спать, да?

- Я могу и сам переодеть... - почему-то стою немного растерявшись.

Вообще, осознание всего происходящего, мне кажется, до меня все еще не до конца дошло.

Это до меня как до жирафа...

У меня есть дочь. Родная дочь. Значит, когда Яна хотела со мной уехать она уже была в положении. И когда я лежал в больнице, избитый по приказу её отца, и будущего мужа, она, наверняка уже знала о ребенке. И не избавилась от него.

Вышла замуж, будучи беременной. Знал ли об этом муж? О том, что она ждет малыша? Вполне возможно, что сначала и не знал, а потом? И как она решилась оставить ребенка в этой ситуации? И почему она его оставила?

Миллион вопросов.

И я не уверен, что найду ответы...

- Чего ждешь, великан? Вперед! Нельзя заставлять женщину ждать. Это мы должны их ждать, а они нас – нет. Се ля ви!

Выхожу из палаты, и только теперь вспоминаю, как встретил Яну в первый раз и тоже называл Яна-несмеяна...

Глава 6

Озноб продолжает колотить несмотря на то, что я уже в клинике, и тут довольно тепло.

Доктор – женщина лет сорока, очень внимательная, сосредоточенная, немногословная, но дружелюбная. Обещает сделать все возможное, чтобы сохранить беременность.

А мне страшно.

Страшно, потому что я сразу вспоминаю то, как я лежала на сохранении, когда ждала Златика. У меня были небольшие проблемы, ерунда, можно было бы обойтись без госпитализации, но я буквально умоляла врача выдать направление. Настолько плохо мне было тогда в доме мужа... Тогда в соседней палате лежала девочка, у которой внезапно началось кровотечение, малыша она потеряла. А лечащий врач убеждала её, что все к лучшему.

- Вы не понимаете, молодые еще, но, если что-то идет не так – природа сама решает вопрос. Да, радикально. Либо «замершая», либо вот так. Возможно, у плода были проблемы. Сохраняя такие беременности, мы часто идём против природы. А потом сокрушаемся, когда дети больные рождаются, с кучей диагнозов...

Я была в шоке, услышав ее слова. Просто в шоке! Как можно говорить такое девушке, которая только что пережила такую драму! Я возмутилась, высказалась, по поводу такого отношения.

Мне реально тогда было так нехорошо, словно это не девочка-соседка, которую я в общем-то и знать не знала, а я потеряла малыша, мне плохо, у меня разбиты все надежды.

Да, я в тот момент ненавидела Славу, считала его предателем, который просто тупо продал меня за бабки.

Но его ребенок... Его ребенок был частичкой меня. А еще частичкой той большой любви, которая, как я считала у меня была.

Да, пусть Слава оказался таким трусливым и подлым, пусть ему оказались важнее деньги и перспективы. Но я... я-то любила его по-настоящему!

И малыш был плодом именно моей любви!

И я очень хотела сохранить ребенка.

Доктор, которая разговаривала с соседкой пришла ко мне. Я не очень хотела её видеть, и сначала не готова была выслушать, но то, что она сказала в итоге меня потрясло.

- Понимаешь, что ей сейчас лучше верить в то, что все произошедшее к лучшему? Если она продолжит страдать, винить себя, винить весь мир, дело может закончиться плохо. Каждую последующую беременность она будет подсознательно ждать беды, а беды они такие – если их ждать, они приходят. Все это очень влияет и на отношения с женщиной. Вплоть до разводов. Мужики они, знаешь ли, не сильно-то любят всякие женские болячки. Поэтому, пусть лучше верит, что природа, естественный отбор, сделали свое дело. Тем более, что реально это факты доказанные.

Я долго думала над словами врача и в конце концов поняла, что, наверное, всё-таки она права.

Но всё равно, несмотря на те её слова про естественный отбор, сейчас я надеюсь, что с моим малышом все будет в порядке.

Несмотря на все стрессы.

Господи, пусть это будет так!

Лежу на кушетке, Доктор наносит на мой живот специальный гель, берет датчик, начинает водить медленно, а у меня уже сердце колотится как бешенное – сейчас я снова увижу крохотную маленькую копию человечка, который живет внутри меня.

Краем глаза замечаю движение, кто-то зашел в кабинет. Кто-то очень-очень высокий. И я опять дрожу.

Когда-то я мечтала сказать ему о своей беременности, думала о том, как он обрадуется. Как мы вместе пойдем на УЗИ, чтобы увидеть человечка, в появлении которого мы оба участвовали. Мне казалось, что Слава будет счастлив, когда на экране появится малюсенькая горошинка!

Господи, почему мне так не везет...

Чувствую слезы, накатывающие непроизвольно, и тут же моя ладонь оказывается в его руке. Слава переплетает пальцы с моими, садясь на стул, стоящий рядом со мной.

- Всё будет хорошо...

Смотрит так серьезно.

- Смотри не на меня, смотри на монитор... видишь? – ки-

ваю туда, где на сером экране уже виден смутный силуэт...

Доктор улыбается сдержанно, показывает ребенка, объясняет коротко, какого он размера, что уже сформировалось, а что только должно появиться. Говорит еще что-то, попутно измеряя эмбрион – это она так называет, но для меня эмбрион слишком безликое слово. Какое-то сухое, протокольное.

Это не эмбрион, это мой мальчик. Очень хочется, чтобы был мальчик.

Защитник.

Опора моя и надежда.

Улыбаюсь, опять глаза на мокром месте – на этот раз уже от счастья.

Перевожу взгляд на Славу, он в тоже мгновение поворачивается ко мне.

И снова его глаза такие серьезные, словно... словно он хочет прочитать мои мысли.

Ох, Слава... Мысли у меня очень простые. Элементарные.

Хочу...Хочу, чтобы с моим малышом все было хорошо. Хочу, чтобы весь кошмар, в который превратилась моя жизнь закончился. Хочу...

Если совсем честно, хочу машину времени. Отправиться обратно на три года. Рассказать себе тогдашней что мне надо делать, а что не надо.

Или просто вернуться в то время. Безмятежное, счастливое. Когда мне казалось, что впереди только все самое хорошее.

Я молодая, красивая девушка, из достойной семьи, учусь в одном из самых престижных ВУЗов. Я живу легко, проблем у меня почти нет.

На меня обращают внимание интересные молодые люди, приглашают на свидания, дарят подарки, признаются в любви. Правда, ни одному не удастся по-настоящему тронуть моё сердце.

Пока в один не самый прекрасный вечер один очень высокий парень не попадает на моем пути...

Вернее, это я попадаюсь ему.

И это большая удача, что попадаюсь...

Глава 7

Держу её за руку, смотрю в монитор, с каким-то благоговейным чувством выискивая на экране очертания того, что доктор называет – плод, или эмбрион.

А в голове стучит – Яна-несмеяна, Яна-несмеяна...

И снова перед глазами картина, которую, казалось, просто выжег из памяти.

Осень. Москва. Центр. Погода, на удивление теплая для столицы. Днем было солнечно, и вечер довольно тихий.

Друзья потащили меня по клубам, разгонять грусть-тоску. Тоска действительно есть. И грусть.

Не везет мне с прекрасным полом.

Вернее, не везет именно с теми, с кем хотелось бы, чтобы повезло.

С девушками проблем нет. Они всегда крутятся рядом, и много таких, которые не прочь бы со мной, как говорят «замутить». Вот только это «замутить» уже не вставляет. Надоело мутить. Чистоты хочется.

Мне уже казалось – нашел!

Маленькая девочка Надя – реально маленькая, мне едва до груди, но и я два десяти, мама смеется, мол, это ей наказание за то, что в детстве не любила стишок про дядю Степу великана.

У Нади и прозвище подходящее – Воробушек. Фамилия – Воробьева. Правда, она не любит, когда я называю ее этим птичьим именем. Потому что ОН так ее называл.

ОН... Её любовь. Ильяс Умаров. Мальчик мажор, который по своей же глупости стал инвалидом. Надя была его сиделкой. Влюбилась в этого идиота, горца, блин. Он ей ребенка сделал и выгнал. Сволочь.

Думаю об этом, и каждый раз непроизвольно кулаки сжимаю.

Найти бы этого «красавца», да хорошенько дать по «щам», научить с девушками обращаться так, чтобы инвалидность пожизненной стала!

И почему такие вот хорошие девочки вечно выбирают всяких...?

Я надеялся, что все-таки смогу её завоевать. Смотрел, и каждый раз такая нежность к ней, просто... Просто хотелось обнять и не отпускать никуда!

Шептать словечки ласковые, называть своей малышкой...

Плывать было на то, что она от другого беременная, реально! Чувствовал – родная душа!

Но...

Говорят, сердцу не прикажешь? Видимо реально не прикажешь.

Да я и на себе это испытывал. Сколько девчонок мне признавались в любви? Плакали, просили дать им шанс. Но... не прикажешь. Нет чувства и всё.

С Надей, как мне казалось, всё было иначе.

Сердце не молчало. Моё.

А её сердечко все к горцу стремилось. Так и уехал мой Воробушек. Даже не попрощались толком.

Неделю я дома выдержал, и рванул в столицу.

Не за Воробушком, нет. Что я мог против этого слепого кретина, в которого она влюблена?

Просто в Москве была работа, друзья... Вечный «движ», когда ты попадаешь в этот поток, и течешь по нему, часто и не думая, зачем и куда.

Вечер пятницы. Самое время для того, чтобы выкинуть из головы все неудачи на любовном фронте.

Обходим с компанией клубы – не пафосные, нет, такие мы как раз «игнорим». Есть удачные места. Типа «Имеджин-кафе» на Покровке. Хорошая живая музыка. Ну и потом попрыгаться можно, диджей местный – топ. На самом деле я во всем этом разбираюсь слабо, но друзья говорят, и я им верю.

И девчонки любят там потанцевать.

Мы как раз направляемся туда, когда мне поступает звонок по работе. Я машу своим, мол – догоню, останавливаюсь, слушая то, что мне говорит посредник. Я как раз работаю над одним серьезным проектом. Если все сложится успешно – поднимусь еще на одну ступеньку.

Пока разговариваю, иду по улице, сам не особенно «догоняя» куда – просто по наитию.

Останавливаюсь, когда слышу испуганный девчоночий голос.

- Да сказала же я нет! Пустите! Вы с ума сошли? Да что вы делаете! Господи! Помогите, кто-нибудь!

Машинально поворачиваю голову туда, откуда слышу крик. Меня явно еще не видят – я в тени, а вот я как раз вижу нормально.

Вижу спины двух парней. Они кого-то зажали у стены. Кого-то, кто таким нежным грудным голосом просит о помощи.

- Эй, «камрады» вы ничего не попутали? – стараюсь говорить твердым басом, в сочетании с моим ростом и мускулатурой действует безотказно.

Они поворачиваются, сначала на лицах наглые усмешки – эти мрази явно уверены в безнаказанности. Видят меня и выражения тупых морд меняется довольно резко.

- Отошли от моей девушки!

- С какого это она твоя? А? Когда она наша?

- Шел бы ты своей дорогой, баскетболист хренов!

Да... эта песенка мне знакома! Баскетболистом меня только ленивый не называл! Постоянно слышу – Джордан, дай пас, Родман, достань птичку, Шакил, покажи класс... Я, честно говоря, баскетбол не очень люблю. Не сложилось как-то. Вот хоккей...

- Пойду, не вопрос. Только с дамой!

- Обломись, длинный! Мы её два часа по ресторанам таскали, кормили поили, так что... Иди, иди отсюда! Она на самом деле согласна, просто немного ломается, да, Яна? Сама же хотела? Сама пошла с нами?

Даже если она сейчас скажет, что сама, я все равно не уйду.

Потому что вижу её и...вижу ЕЁ. Все. Говорить больше не о чем.

Просто проваливаюсь в эти огромные глаза.

Яна...

- Помогите, пожалуйста! Они все врут, я не с ними, я...

- Конечно не с ними, Яна-несмеяна! Ты со мной.

Подхожу ближе, спокойным жестом отесняю недомужиков, которые посмели это чудо напугать, просто обнимаю ее за талию, поднимаю вверх и несу.

- Эй ты, слышь, это чё...

- Рот закрой, если не хочешь, чтобы я твой язык поганый вырвал и в одно место тебе присунул, вдуплил?

Выхожу из незнакомой подворотни быстро. Слышу, как в спину летят ругательства, но мне как-то глубоко «по Фарен-

гейту». Пусть хоть оборутся!

И еще слышу дыхание. Легкое. И аромат, от которого голова кружится.

Яна-несмеяна.

Выношу её на хорошо освещенную улицу. Тут уже не страшно, прогуливаются люди несмотря на позднее и не самое теплое время.

Держу, не в состоянии отпустить. Она здорово смотрится в моих руках.

- Может уже поставите меня, великан спаситель?

От ее голоса можно с ума сойти. И от улыбки.

И сердце не просто говорит, оно орет! Хватай, Слав, и тащи в берлогу.

Это твоё!

Глава 8

«Может уже поставите» ... Хм... Может поставлю, а может...

- Ау, вы меня слышите?

Смешная какая, конечно, слышу! Но она, что, не понимает, нужно как можно дальше уйти от этих уродов, мало ли, а она на каблуках, да еще на каких!

Как они вообще передвигаются на этом? Натурально же орудие пыток?

Ноша моя становится все нетерпеливее, сначала постукивала меня по спине, аккуратно, теперь уже почти колотит.

Выхожу на бульвар, тут не таклюдно – погода не располагает к долгим прогулкам, но все-таки это уже не подворотня, прохожие попадаются, кто-то с собачкой гуляет в ночи, да и машин тут всегда полно. Говорят же – Москва никогда не спит.

Ставлю малышку на тротуар, заботливо одергиваю на ней курточку – одета, кстати, совсем не по погоде, и явно замерзла. Ну, это не страшно, что-что, а согреть я умею.

- Ну, привет еще раз, Яна-несмеяна.

- Привет, - почему-то она неожиданно смущается, глаза опускает, не дает себя разглядеть, – Спасибо вам за... В общем, я... Ох...

Закрывает лицо руками, замирает. Плакать будет? Вроде бы не собиралась, но... если что – как раз слезы её я очень хорошо пойму – это стресс, сначала на адреналине ты вроде чувствуешь злость, потом наступает отходняк.

- Ты замерзла совсем, давай-ка, иди сюда, ближе, грейся. – распахиваю полы пальто, притягивая обескураженную девчонку.

- Нет, я... не надо, неудобно...

Что? Неудобно? Почему-то у меня ее слова вызывают улыбку. Понимаю, что для неё ситуация дикая, и она просто не знает, как себя вести.

Выглядит как взрослая, а на самом-то деле совсем девчонка.

- Да, нормально все. Я... чисто по-дружески. Я же тебя

спас, значит, несу ответственность. Смысл спасать, если ты заболеешь и помрешь не дай Бог?

Улыбается слабенько, и позволяет утянуть себя в объятия. Мимолетный взгляд, и мне кажется, она кого-то напоминает, как будто я её уже где-то видел...

- Вот так. Грейся и рассказывай.

- Что рассказывать?

- Как докатилась до жизни такой, несмеяна?

- Какой?

- Это у тебя надо спросить. Ходишь ночами неизвестно где. Таким девочкам как ты надо по ночам дома сидеть, под охраной.

- А я и сижу! Почти все время дома. Думаете, это так весело?

Продолжает со мной на «вы», ладно, я не возражаю.

- По подворотням, значит, веселее?

- Вы не понимаете, это... это случайно. — ну хоть не «это другое», усмехаюсь, чувствуя, как стучит сердце... моё... Ох, Яна-несмеяна...

- Случайно, значит?

- Со мной вообще-то первый раз такое...

- Я надеюсь. Хорошо, дальше-то мне что с тобой делать?

Поднимает голову, в глазенках такой испуг! А я, вдруг понимаю, кого она мне напоминает. Принцессу сказочную, которая попала в реальный мир и никак не сообразит в чем дело и как себя вести.

- Я... я такси, наверное, вызову, и поеду домой.

- На такси?

- Да, - кивает, вроде уверенно, а у меня почему-то мысль странная – она вообще на такси когда-нибудь ездила?

Нет, на простую девчонку, привыкшую на автобусе и метро она совсем не похожа. Но и с такси как-то не «коннектится». Скорее я могу представить ее в частном лимузине с водителем.

- И куда тебя привезет твой таксист?

- Ой, я... я думала к подруге, но она, наверное, еще в клубе... Может, вернуться за ней?

Подруга в клубе? В том самом, рядом с которым эту крошку чуть не... хорошая подруга, что и говорить...

- То есть тебе и идти не куда?

- Мне есть куда, но...

- Хорошо, я понял. Поедем ко мне, значит.

- Нет. – отталкивается от меня испуганно, но я не пускаю.

- Почему? – спрашиваю просто, без нажима. Интересно, как она объяснит то, что ко мне ехать нельзя? К мужчине, которого почти не знает. Да я её спас от двух типов, которые явно не Шекспира с ней хотели под балконом обсудить, но это не значит, что я не такой как они! Да и вообще, я мог быть с ними в сговоре. Весь такой из себя спаситель, а в реальности...

- Я понимаю, вы меня спасли, но я вас совсем не знаю, и...

В общем, помогите мне вызвать такси, я поеду в гостиницу.

Даже так? В гостиницу?

- Послушай, Яна-несмеяна, ты замерзла, на тебя напали, чуть не... не важно, у тебя реально состояние не самое простое. Я не намерен делать с тобой ничего плохого. Просто поехать ко мне – удобно. Живу я в центре, тут недалеко. Комната студия, но есть небольшая спальенка.

- Недалеко на такси?

- Можно и пешком, но... я вижу, у тебя уже губы синие. Так что сейчас такси вызову.

- Я ... я не могу, правда не могу к вам поехать. Не потому, что это неудобно, хотя и поэтому тоже, но...

Пока она что-то щебечет я заказываю машину в приложении. Приезжает такси почти сразу. Несмеяна не успевает обосновать отказ, и я легко загружаю ее в авто.

И снова придвигаю к себе, обнимая, беру за руку, чтобы греть изящные, длинные пальчики.

- Не надо...

- Надо. – смотрю на неё просто и прямо, и она тоже не прячет взгляд, в машине темно, но я как будто чувствую румянец на щеках. И стук сердца снова. Её. И мой... В унисон.

До дома, в котором я снимаю квартиру доезжаем за пять минут.

Выхожу из такси, понимая, что моя принцесса все еще внутри. С чего бы?

Открываю дверь, протягиваю руку – она машинально вкладывает свою ладонь, грациозно покидает салон, впечат-

ление, что она всегда именно так и выходит, значит реально привыкла не к общественному транспорту, а к авто с водителем.

Нагло обнимаю красотку-принцессу за талию и веду к дому.

- Простите, я...

- Что?

- Я... я совсем ничего о вас не знаю, я...

- Меня зовут Вячеслав, Слава, фамилия Гордеев. Мне двадцать пять, работаю в сфере IT. Еще что-нибудь? Могу прислать копию паспорта, надо?

- Спасибо, поверю на слово.

- Да, я не коренной москвич. Живу тут не так давно, до этого довольно долго работал в Европе. А вообще, я из курян.

- Из кого? - неподдельное удивление на её лице заставляет задуматься. Нет обычно слово «куряне» мало кто понимает, но с Яной ситуация другая. Мне кажется, как раз она это слово знает.

- Куряне – это те, кто живет в Курске, и в области.

- Я это знаю, да...

- Есть там такой небольшой, но очень славный городок.

Рудник, называется, вряд ли ты слышала...

Наблюдаю за ней – в лице меняется неожиданно, из милой «стесняшки» превращается в разгневанную матрону.

- Делать вам нечего, да? Небось еще и сами этих придур-

ков из клуба уговорили? Подкупили, да? Впрочем, им много не надо. Цена вопроса – одна бутылка.

Она резко откатывается, выныривая из объятий, которые, к слову, точно совсем не дружественные.

- Знаешь, что, великан? Передай отцу, что я все равно не вернусь! И вообще, это моя жизни, и я буду жить так, как я хочу!

Ого! Вот это заявочка!

Глава 9

Ничего не понял.

Девчонка разворачивается, чтобы уйти – ага, «шаз-з-з»! Два ее шага - один мой, поэтому я даю ей возможность эти шаги сделать, а потом просто двигаюсь сам, оказываясь на её пути. Малышка утыкается чуть ли не носом в мою грудь... Хм... а она не совсем малышка, думаю, метр семьдесят пять точно. Ах да, еще и каблучищи, с ними за метр восемьдесят будет.

Надя была ниже. Почему-то сейчас вспоминать о Наде не очень хочется.

Несмеяна голову поднимает, в глазах горит огонь инквизиции.

- Уйди, я сказала!

- Перешла на «ты»? Мне это нравится.

- А мне нет! Выслужились, да? Показали принцеске ее место? Зачёт. Пусть папочка премию выпишет.

Пытается меня обойти. Да что происходит, вообще? И причем тут ее папочка?

- Стоп, стоп, брейк, хватит! Объясни толком, что случилось?

- Дуру из меня не делай, дядя Стёпа, ладно?

- Дуру, по-моему, ты сейчас сама из себя делаешь.

- Что ты сказал? – глаза сверкают, в желтом свете фонарей они выглядят кошачьими, ярко зелеными с желтыми точками. Она злится, а я неожиданно для себя словно заново осознаю, какая она красивая.

Нежный овал лица, маленький тоненький носик, губки сочные, высокие скулы, но при этом еще по-детски припухлые щечки. И глаза. Большие, широко распахнутые, с длинными ресницами.

Дышит порывисто, часто, ноздри раздувая. Порыв ветра, чуть встрепанный локон накрывает ее лицо, она отбрасывает его назад, но волосинка застревает на губах. Мучительно хочется поправить и я это делаю.

И не только это.

Не могу сдержаться. Беру ее лицо в ладони и целую, несмотря на протест, и попытку вырваться. Впрочем, она довольно быстро успокаивается, расслабляется в моих руках.

Но на поцелуй не отвечает. Просто чуть приоткрывает губы, позволяя мне целовать ее так, как я хочу, глубоко, чувственно, наслаждаясь каждым мгновением.

Хорошо! Настолько хорошо, что я сразу оказываюсь в

полной боевой готовности. Это, конечно, не так приятно, учитывая, что скорее всего мне с ней сегодня ничего не светит. Но...

Отрываюсь только тогда, когда понимаю, что уже еле могу дышать, да и она тоже.

Смотрим друг на друга не отрываясь, вижу, что её взгляд слегка затуманен.

Первым отмираю я.

- Что, несмеяна? Будешь еще ругаться?

- Пусти.

- А если нет?

- А если закричу?

Ухмыляюсь, не понимая, почему мне так хорошо.

- Я вроде тебе показал только что, как можно эффективно рот закрыть? Пойдем, ты задубела совсем, заболеешь, умрешь, что мне с тобой делать?

- Никуда я с тобой не пойду. Звони отцу, пусть сам меня забирает.

- Давай телефон, позвоню.

- Телефон? – хлопает глазами, потом смешно так носик морщит, выдыхая шумно, - А что, вам на службе телефоны не выдают? Или тебе номер начальства не сообщили?

- Видимо не сообщили. Или проблема в том, что у меня нет начальства? Слушай, уже даже я замерз, так что...

Хватаю ее снова, не спрашивая, и несу к подъезду. Яна сначала пытается вырваться, но стихает быстро. Ставлю ее

на ноги только в лифте. Она сразу отворачивается, но смысла в этом не много, так как перед ней зеркало и я вижу каждую эмоцию.

Нервничает. Злится. Боится.

- Не бойся, ничего плохого я тебе не сделаю. Согреешься, успокоишься, и поедешь домой.

- А если я захочу остаться? – теперь Яна-несмеяна смотрит с вызовом.

- Значит, останешься.

- На всю ночь? – прищуривается хитро.

- Можно и на всю.

- А у тебя силенок хватит, великан?

- Хочешь проверить?

Лифт останавливается, открывается, но я загораживаю выход.

Нагло придвигаюсь вплотную – боевая готовность она такая, боевая. Вижу, как ее зрачки становятся шире, и дыхание перехватывает. Наклоняю голову и шепчу прямо в ушко:

- Не стоит хватать пистолет, если не собираешься стрелять, детка...

Теперь малышка-несмеяна точно в ужасе, дрожит, и кажется, глаза становятся влажными, а я ругаю себя за то, что напугал её. О чем только думал? Ее уже там, перед клубом не кисло так довели, а я вот, добавляю.

Отодвигаюсь, убираю волосы назад, выдыхаю. Как-то надо выходить из дебильного положения.

- Прости, Яна. Я не хотел тебя пугать. Я действительно ничего тебе не сделаю. Сейчас согреешься, чаем напою, накормлю если захочешь, потом подумаем, как тебя домой отправить, или к подруге, куда ты там собиралась.

Молча кивает, опускает голову. Нажимаю кнопку, чтобы лифт открылся. Машинально беру ее за руку, приглашая выйти – пальцы как ледышки. У меня сердце почему-то сжимается от жалости.

Мы заходим в квартиру, свет сам включается – датчики настроены. Обычно все удивляются, но Яне, кажется, все равно.

Помогаю ей снять куртку. Под ней красивое платье и легкий пиджачок – такой не греет совсем, ясно, что она задубела.

- Мне кажется, тебе нужна горячая ванна.

- Нет, спасибо.

- Не спорь.

- Я... я не могу вот так.

- Как?

Так и стоит, голову опустив, мнется, а по коже мурашки скачут, тоненькие волоски приподнимая.

- Яна, ты на самом деле сильно замерзла, тебе надо согреться, иди в ванную, я принесу полотенце, халат, пока приготовлю чай и ужин.

- Скажи, ты работаешь на моего отца? – она поднимает глаза, смотрит, кажется не дыша.

- Нет. Не работаю.

- Правда?

- Да. Хочешь, чтобы я поклялся? - улыбаюсь, чувствуя, что нужно как-то успокоить её, разрядить обстановку.

- Значит, это просто совпадение? Случайность?

- Что? – не понимаю о чём она говорит.

- Просто я тоже не москвичка. И тоже из «курян». Я родилась в Руднике.

Глава 10

Смотрю на неё и улыбаюсь, как дурачок.

- Землячка, значит?

Теперь мне всё ясно. Ну, почти. Ясно, почему она так отреагировала на «курян», ясно, почему потом взбеленилась. Решила, что я на ее отца работаю? Хм, интересно, кто у нас отец?

- Давай, дуй в ванную, землячка!

- Хорошо, только...

- Что?

Опускает глаза, румянец щеки заливает. Мне нравится, когда девчонки краснеют. Это странным образом заводит. Надя тоже все время краснела.

Так, стоп. Не надо о ней. Сравнить их точно нельзя. Они... они разные.

Надя была такая... очень простая, скромная, «своя». Домашняя.

А Яна-несмеяна... Принцесса из сказки. Совсем не про-

стая. Экзотическая что ли...

Вижу, как реснички длинные трепещут, вздыхает судорожно.

- Так что?

- Я не смогу сама снять сапоги. У меня... у меня очень пальцы замерзли, и...

- Понял. Сейчас все будет, принцесса.

Снять сапожки.

Чёрт...

Если бы я знал, насколько это будет не просто!

Опускаюсь перед ней на колени. Смотрю в кои-то веки не сверху вниз, хотя мое лицо почти напротив ее груди. Хм, довольно впечатляющей груди для такой хрупкой девочки.

Улыбаюсь, видя, что её смущение только растет. Почему мне так это нравится? Принцесса-то она принцесса, но, в чем-то совсем не избалованная!

Беру ножку за лодыжку.

- Держись за меня, и расслабься... Пожалуйста.

Её руки робко опускаются мне на плечи. Поднимаю ее ногу, ловлю тихий вздох, начинаю медленно расстегивать молнию, чувствуя, как меня это заводит. Вот же блин... Аккуратно стягиваю с неё кожаный чулок сапога.

Ножка у неё такая изящная, и размер, наверное, тридцать шестой, вижу сквозь тонкую ткань чулочка яркок-розовые ноготочки.

Дикое желание наклониться, и поцеловать ее тонкую сто-

пу. Никогда не думал, что я такой... фут-фетишист. Но... ее ножки просто чудо.

Только сильно замерзшее чудо. Ледяное просто.

- Ты что, за прогнозом погоды совсем не следишь?

- Что?

- Оделась так, как будто живешь где-то в Сочи, где сейчас все еще плюс, наверное. А у нас тут, увь... Морозы уже.

- Я знаю.

- Знаю... Отморозишь себе все на свете. Как потом рожать будешь?

Молчит. Только вздыхает.

Стараюсь снять второй сапог быстрее. Но задерживаю ножку в своей руке, пытаюсь согреть и... просто потому, что не могу вот так сразу отпустить.

- С-спасибо...

- Пожалуйста. Пойдем. Покажу тебе ванную, подготовлю все.

- Я сама могу.

- Самостоятельная ты, я это сразу понял. – ухмыляюсь, просто зла не хватает!

- Хватит меня троллить! – произносит тихо, без вызова. Куда делась та воинственная валькирия, которая на меня на улице нападала? Или вся сила была в сапогах?

- Это я еще не троллю, детка.

- Сам ты детка. Хватит, правда. То, что ты меня спас не дает тебе права...

Замолкает. Может, поняла, что лишнего сказала?

- Всё, хватит ругаться. Мир! В ванной ты реально можешь сама не разобраться. Поэтому я тебе воду включу, все сделаю, принесу вещи и уйду. Закроешься изнутри, там щеколда, снаружи я точно не открою.

- Я и не думала, что ты...

- Вот и отлично.

Завожу в ванную, быстро ополаскиваю джакузи. Включаю воду, провожу небольшой мастер-класс.

- Пена, соль, если хочешь. Все вот тут, сама выбирай.

- А это... это всё твое или...

- Моё, я тут один живу.

- Хорошо.

Это она что, пыталась выяснить есть ли у меня девушка? Оригинально.

- Девушки у меня нет.

- Я... мне это вообще не интересно. Просто я не думала, что мужчины вот этим пользуются и вообще.

- Что, вообще? – она меня удивляет!

- У тебя так чисто...

- А что, все мужчины обязательно грязнули?

- Нет, но...

- На нет и суда нет, несмеяна. Давай, раздевайся.

- Что?

Поднимает голову, смотрит изумленно. Смешная такая...

- Пошутил. Сейчас принесу халат, тапки, полотенце.

Выхожу. Выдыхаю.

Чёрт, рядом с ней стоять просто пытка... хорошо, что я еще одет так... нормально, в общем. Не видно парус в штанах. А там просто...полная боевая опять.

Она красивая, нежная, аппетитная, и так приятно пахнет, и вообще...

Быстро заносу в ванную вещи.

- Все, закрывайся. Если что нужно – кричи. Я пойду займусь ужином.

- Я есть не буду, спасибо.

- А я буду, пожалуйста. Я по твоей милости лишился ужина в ресторане так что...

- Извини. Если хочешь... я тебе что-то приготовлю.

- Принцессы умеют кухарить?

- Умеют и хорошо!

- Я запомнил. В другой раз обязательно. Грейся давай!

На кухне залпом выпиваю стакан воды. В горле пересохло.

Как спать, зная, что в доме такая красота ночует? Я же не святой!

Достаю пару стейков, хорошо, что у хозяев тут есть гриль, пять минут и мясо готово. Салатик быстро режу. Чайник уже кипит. Хочется крепкий кофе выпить. Завариваю прямо в чашке.

- А можно мне тоже кофе? – голосок такой слабый, меня от него ведет не по-детски.

Поворачиваюсь и сглатываю.

Она в моем халате. На голове полотенце. Румяная. Пышущая жаром после горячей ванны.

Сделай шаг, Слава, обними, прижми покрепче, поцелуй! Она не будет сопротивляться, ты ведь это чувствуешь!

Откашливаюсь, прогоняя маленького бесенка, сидящего на левом плече.

- Кофе на ночь вредно, - не узнаю свой голос.
- Но ты же пьешь?
- Мне можно.
- Это не честно.
- Жизнь вообще не справедлива. Садись, стейк, салат.
- Я не ем так поздно.
- Лишаешь себя удовольствия. И меня заодно. Я надеялся на компанию, а теперь буду давиться в одиночестве, да?
- Давай баш на баш, ты мне делаешь кофе, а я ем ужин?
- наклоняет головку – это не несмеяна! Это хитрая лиса! Да уж, явно ее папаше с ней не так просто.
- Договорились, только...
- Что?
- Получается, я делаю кофе, я готовлю ужин, а ты только ешь и пьешь?
- Могу посуду помыть.
- Посуду помоем моя электронная подруга.
- Ну... - разводит руками и полы халата чуть раздвигаются, открывая обзор на аппетитные полукружия, - тогда не знаю, чем вам помочь!

- Сто поцелуев принцессы? – ухмыляюсь, говорю вроде в шутку, а у самого просто адреналин зашкаливает. Хочу ее поцеловать до одури!

- Сто? Не слишком ли много, Свинопас?

- В сказке было сто.

- Я из другой сказки, там принцесса отделалась одним.

- Один это не серьезно.

- Правда?

Вижу в ее глазах загорается огонек. Авантюристка? И не боится?

Делает шаг ко мне, кладет руку на мою грудь... Жду подвоха. Ведь сейчас что-то выкинет! Или попытается ударить, или...

Её ладонь зарывается в мои волосы, без каблуков она реально кроха, по крайней мере по сравнению со мной. Опускаю голову, смотрю ей прямо в глаза. Вижу, что грудь ее вздымается часто, рот приоткрыт. И... аромат желания чувствую. Его ни с чем не спутаешь.

- Стейки остынут. Давай поедим, а потом будем целоваться, хорошо?

- Хорошо. Ловлю на слове, принцесса.

Целоваться. Она сказала во множественном числе.

И почему-то я уверен, что не буду разочарован.

Знать бы насколько!

Глава 11

Кабинеты УЗИ меня пугают. Еще с первой беременности,

когда все было не так гладко, как хотелось.

Тогда вообще все было не так как хотелось. Хотелось, чтобы рядом был он. Мой Славка. А не... Не важно.

Вот сейчас он рядом. И все равно всё не так.

Наблюдаю как он смотрит на монитор, потом на меня. Глаза как омуты. Темные-темные.

Помню, какое-то время я не могла вспомнить какие они у него. Глаза. Вспомнила, когда дочку родила. Потому что она сразу посмотрела на меня его глазами.

Говорят, у всех младенцев глаза темно-серые. У моей Златки они сразу были синие. Как небо. Как море. Как глаза моего любимого.

А я ведь не верила в любовь с первого взгляда! Думала, так не бывает...

Но возвращаясь мысленно в тот наш первый вечер я вспоминала как увидела его, и... и всё.

Сразу, как удар. Может не любовь еще, но какое-то свыше данное понимание, что этот человек появился в моей жизни и перевернет её.

Перевернул...

Стою в ужасе, зажатая двумя парнями, которые начали клеиться ко мне и к подруге в клубе.

Не могу сказать, что это был мой первый поход в клуб – нет, конечно. Но как-то я всегда была с проверенной компанией, ребята из института, друзья. Меня в обиду не давали.

Ну и папина охрана вечно где-то терлась. Я чувствовала себя защищенной, а тут...

Понимаю, что не знаю, что делать. Драться с ними? Они лезут, а я в каком-то диком ступоре, чувствую их руки на теле и думаю о том, что меня просто стошнит...

- Эй, «камрады» вы ничего не попутали? – голос, который сразу отзывается во мне.

Да, сначала я слышу голос. А потом вижу его. И первая мысль – Господи, какой он большой!

Высокий. Великан. И в плечах довольно широкий.

И у него красивые губы.

Никогда не обращала внимания на отдельные детали мужских лиц, а тут...

Я вообще особенно на парней внимания не обращала. Дружила. Знала, что в меня многие влюблены. Но самой как-то все это было... не интересно.

И потом... Я же знала, что папа сам найдет мне мужа? Знала. И, как ни странно, была этому даже рада.

Меня не привлекали ровесники, с которыми я сталкивалась. В основном это были мальчишки-мажоры. Или ботаны, которые реально своим умом добились права учиться в одном из лучших ВУЗов, и, конечно, делали все, чтобы оттуда не вылететь. С некоторыми из них было интересно общаться. С некоторыми – нет. Кто-то просто боялся таких как я – красивых девочек, у которых за спиной охрана и грозный отец, готовый любого кавалера на атомы расщепить.

Все эти мысли в моей голове пролетают в тот момент, когда великан уносит меня на руках от клубных уродов.

Я замерзла как цуцик, и он притягивает меня к себе, чтобы согреть.

От него так приятно пахнет, что у меня голова кружится. И вообще, он весь такой... Такой нереальный, что...

Что хочется его убить, когда я понимаю, что он работает на моего отца. И, возможно, вся эта история с клубом – тоже дело рук папочки, от которого я просто сбежала.

И как я счастлива, когда понимаю – Слава о моем отце знать не знает!

Может, конечно, обманывает... Хотя нет. Точно нет. Я ему верю.

Просто очень хочется верить.

Особенно после поцелуя, который буквально сбивает с ног.

Особенно когда я оказываюсь в его квартире. Ну, не совсем его, он снимает – сам сказал. Но...

Я впервые в квартире у молодого человека. И впервые наедине с мужчиной.

И чувствую, что я ему нравлюсь. Очень даже нравлюсь.

А он меня немного пугает, наверное, потому, что тоже мне очень нравится.

И я не представляю, что с этим делать!

И сама провоцирую, просьбой снять с меня сапоги.

Боже, мне кажется, в моей жизни еще не было ничего на-

столько... чувственного.

Даже тот поцелуй, который он сорвал с моих губ там, на улице – в тот момент мне было страшно, я не могла расслабиться. Меня выбило из колеи.

А сейчас...

Рука Славы держит мою ступню, а у меня все внутри тает. Хотя внешне я очень стараюсь сохранять невозмутимость.

Потом, лежа в довольно приличной джакузи я понимаю, что меня переполняет желание! Мне хочется, чтобы Слава меня поцеловал еще раз. И обнял.

А что если он предложит мне...

Нет! Нет, до этого не должно дойти. Не так. Не в первую же ночь. Это... неприлично, и слишком быстро и я ничего о нем не знаю!

Но...

Когда он предлагает сто поцелуев принцессы очень хочется сказать ему – да!

Он кормит меня вкусным стейком и салатом. Задает какие-то вопросы. А у меня шум в ушах. Я почти ничего не соображаю.

- В клуб-то ты как умудрилась попасть?

- Подруга пригласила.

- И свинтила?

- Да нет, это я свинтила. Она... она парня знакомого встретила, пошла с ним куда-то, сказала через пять минут вернется, а тут эти... они сразу к нам приставать начали, по-

том Тина их отшила...

- Тина?

- Ну, вообще Таня, но Тина.

- Ясно. А ты? Реально Яна? Или ты им в клубе чужое имя назвала?

Опять краснею, понимая, что лоханулась, еще там в клубе, когда Тина меня громко по имени звала и эти слышали.

- Яна. Только я им имя не говорила.

- Ясно.

Говорит и улыбается. А мне просто хочется смотреть на его улыбку. Но я смущаюсь, опускаю глаза.

«Сто поцелуев принцессы» - придумает же!

- Устала?

Киваю машинально, потому что на самом деле устала. И ванна меня разморила, а кофе добавил, он на меня действует совсем не как напиток бодрости. Я после чашки кофе с удовольствием засыпаю.

- Если устала, пойдем спать?

Его предложение звучит так... интимно!

Поднимаю на него глаза, я напугана, но в то же время, мне интересно, что же дальше? И хочется этого дальше. Не до самого конца, нет...

Невинность все-таки с первым встречным я потерять не готова, но...

«Сто поцелуев принцессы»?

- Ничего не будет, если ты не захочешь, - его голос поче-

му-то становится хриплым, и длинные сильные пальцы переплетаются с моими.

- А если захочу? – свой голос я тоже не узнаю.

- И если захочешь, тоже...

Что?

То есть он сказал мне «нет»?

Глава 12

Стою, смотрю на него, как дурочка. А он улыбается.

- Что? – говорим одновременно, а потом... потом неожиданно смеемся.

И я думаю о том, как мне с ним хорошо! Не легко, а именно хорошо!

Я в принципе довольно быстро схожусь с людьми, нахожу общий язык несмотря на то, что почти всю свою жизнь провела в каких-то закрытых школах, довольно узких сообществах.

Со Славой мне не легко. Нет. Но... я прекрасно понимаю почему. Он мне нравится. Очень сильно нравится.

Никогда меня ни к кому так не тянуло. Не было желания ни с кем попробовать... То самое...

Мне двадцать. И я девственница. Причем, как ни странно, в моем окружении это нормально. Девочки из хороших семей хранят невинность для мужей, которых им выбирают папочки. И я храню. Только...

Не для мужа. А для того, кому захочу отдать. С кем сама

захочу познать всё.

Краснею, глядя на Славу, думая о том, почему он сказал, что ничего не будет?

Он ведь хочет, я это знаю.

- Пойдем, покажу тебе твоё ложе.

- Пойдем. – голос хрипит теперь у меня.

Спальня небольшая, простая и уютная. Минимализм в его квартире мне очень нравится.

Дома у нас всегда было так вычурно, помпезно. Картины, вазы, всякие безделушки, пышные гардины, мебель – я такую называю «царской», то ли барокко, то ли рококо. А может и то и другое. Маме нравилось. Отцу... ему, кажется, было все равно, лишь бы «дорого-богато». Я же предпочитала и предпочитаю совсем другой стиль. Современный, модерновый – светлая уютная мебель, легкость, простота.

- Подожди, сейчас сменю постельное белье и выдам тебе футболку.

- Зачем футболку? – выпаливаю не подумав.

- Предпочитаешь спать голышом?

- А если да?

- То есть ты лишишь меня удовольствия каждый вечер обнимать футболку, в которой ты спала?

- Ну... если ты предпочитаешь обнимать футболку, а не меня... - сама не знаю, почему я такая смелая. Или глупая.

- Я предпочитаю тебя. – говорит, и притягивает меня к себе. Близко. Вплотную.

Я сглатываю, чувствуя, насколько сильно он предпочитает меня.

Мы оба дышим тяжело, очень тяжело.

Мне страшно. И любопытно. И очень хочется, чтобы он забылся и перешел границы, потому что сама я не смогу.

- Яна...

- Что? – он шепчет мое имя, и я шепчу в ответ. Дрожу, приподнимаюсь на носочках, сама пытаюсь дотянуться. Он наклоняется...

- Зачем ты меня искушаешь? Потом будешь жалеть.

- А если не буду?

- Не надо. Не глупи.

- Ты же хочешь? – задаю вопрос, как в омут с головой, меня трясет всю, сама не понимаю в чем дело, никогда такого не было!

- Я хочу, чтобы ты хотела тоже. Но не так как сейчас. Чтобы это был не порыв, не каприз... Ты ведь не была еще ни с кем, да?

Меня трясет от его близости, никогда не думала, что так бывает...

- Это важно?

- Для меня важно.

- Нет.

Он правильно понимает моё «нет», но не отстраняется, наоборот, чувствую, как сжимает крепче.

- Сладкая... я очень тебя хочу, это очевидно, да? Но я не

буду этого делать. Сейчас не буду.

- А когда будешь?

- Когда ты будешь готова по-настоящему. Если ты еще будешь со мной.

- А если не буду? Не буду с тобой?

- Значит... не судьба?

Даже не знаю, радоваться мне или злиться. Он меня отшил! И как красиво!

Я просто наивная дурочка. Понадеялась на волшебное приключение.

Какой сумасшедший вечер, дикая ночь...

- Оставь белье, я сама постелю.

- Нет, ты гостя. Я сам все сделаю. Можешь пока выбрать футболку, они все висят в шкафу.

- Хорошо, спасибо!

Мечтаю выбрать его любимую! Чтобы... Чтобы надевал и думал обо мне.

Очень хочу, чтобы он думал обо мне.

В горле ком, когда перебираю в шкафу вещи, от которых пахнет им. У него отличный одеколон. Аромат мужчины, дерзкий, терпкий.

Отец предпочитает какие-то сладковатые ароматы, а мне нравится сандал и табак...

Не знаю, что выбрать, в итоге достаю какую-то светлую, с непонятным рисунком.

Увидев ее, Слава почему-то улыбается.

- Только не говори, что выбрала твою любимую.
 - Какую бы ты не выбрала – она сразу станет любимой.
- Ложе готов принцесса! Пожалуйста, спать.

- Я... мне надо почистить зубы.

- Хорошо. Иди. Пойду постелю себе. Спокойной ночи,

Яна-несмеяна!

- Спокойной ночи.

Выхожу из спальни, вижу на диване подушку, одеяло. Значит, он на самом деле будет спать тут один?

Чищу зубы с такой яростью, словно готова всю эмаль содрать! Почему-то дико злюсь на себя!

Мне впервые так сильно понравился парень! И он сам от меня отказался!

Ну что за...

Выхожу, вижу его, неуклюже укладывающегося на узкий, короткий диванчик. Подхожу ближе. Я в его футболке, которая на мне как платье.

Замечаю его голодный взгляд.

- А как же сто поцелуев? Или это тоже табу?

Глава 13

Раньше никогда не задумывался, что в этом такого, когда девчонка таскает одежду своего парня, рубашки там, футболки...

В принципе не было желания кого-то одеть во что-то личное. Ну, ерунда же? И потом, я довольно щепетилен в этом

отношении. Мои вещи – это мои вещи. Да и вообще, делиться своим я не привык, наверное, потому, что рос один, ни сестер, ни братьев. Единоличник в какой-то степени.

Но когда поворачиваюсь, взмокший от ненавистного действия закидывания одеяла в пододеяльник, и заранее предвкушающий «чудную» ночь на коротком диване, и вижу Несмеяну в моей футболке...

Господи...

Кажется, сердце в груди увеличивается в размерах и так сильно стучит – словно вот-вот выскочит.

Она. В моей футболке. И всё.

Под футболкой ничего.

Вот же... дьявол...

Кровь бросается сразу и к голове, и к... К тому, кому сегодня не светит.

В любом случае. Я не сделаю этого!

Я не должен! Я...

- А как же сто поцелуев? Или это тоже табу? – она улыбается так задорно, маняще...

Дурочка глупая, не понимает, что ли, что с огнем играет? Хм...

- Идите спать, Яна Батьковна!

- Я Игоревна. Хорошо, спокойной ночи, только...

Делает шаг ко мне, и опять эта улыбка, чёртова смесь невинности и чувственности, еще и губу нижнюю закусывает.

- Яна, пожалуйста, иди спать. – сам не узнаю свой голос, он хрипит и садится.

Уголки ее губ снова дергаются, а глаза распахнутые такие зовущие.

Хочется наорать на неё! Наорать зло и резко, чтобы думать в следующий раз!

Вместо этого наклоняю голову, сжимаю кулаки, дышу тяжело, и считаю про себя, медленно. Раз, два, три... Помню, мама, когда отец скандалы закатывал всегда старалась так успокоиться, чтобы горячку не пороть.

Аромат Яны витает в воздухе. Она еще тут? Не ушла?

Ухмыляюсь, да уж... не делай добра. Надо было отправить ее на такси. В гостиницу. Или к папочке, на которого она так зла.

- Слава, прости, давай все-таки ты ляжешь в спальне, а я тут. Тебе ведь на этом диване совсем не удобно будет...

Открываю глаза. Она совсем близко. Совсем. Руку протяни.

Я и протягиваю.

- Сто поцелуев, да, принцесса?

- Сто это много... - говорит еле слышно, но я замираю, понимая, как она радуется тому, что её задумка удалась. Я сломался.

- Хорошо. Не сто. Только... давай не будем считать, ок?

Подхватываю Несмеяну за талию, поднимаю так, чтобы ее голова оказалась на одном уровне с моей. Смотрю прямо в

глаза. Мне кажется, я точно считываю ее эмоции – предвкушение, желание, страх, любопытство.

Значит, Яна-несмеяна, тебе не терпится узнать, как это бывает? С мужчиной? В первый раз? Да? Ну, что ж...

Заношу свою прелестную добычу в спальню, осторожно опускаю на кровать и сам вместе с ней опускаюсь.

- Не передумала, малышка?

Качает головой, взгляд меняется, страха уже чуть больше. На шейке бьется тоненькая синяя венка, почему-то это так трогательно – провожу по ней кончиком пальца.

Наверное, именно в этот момент меня накрывает с головой. Я еще сам до конца не понимаю что. Оглядываю всю её – широко распахнутые глаза, чуть влажные пухлые губы, это жилку на шее, вздымающуюся грудь, мурашки, бегущие по нежной коже, бесконечно длинные ноги...

Кто позвал меня сегодня вечером гулять в центр? Кому я теперь по гроб жизни обязан тем, что появилось в моей жизни вот этот вот чудо неземное?

Яна-несмеяна.

Игоревна...

Моя девочка. Только моя.

Зарываюсь пальцами в ее роскошные шоколадные локоны, пытаюсь сканировать взглядом...

- Слава...

- Ничего не бойся. Я ничего плохого не сделаю. Я...

Зачем еще что-то говорить, когда можно... можно просто

накрыть её губы своими, и ждать, что поцелуй всё ей расскажет, без слов?

Не нужны тут слова. Совсем.

Тут нужно другое.

Я не жадничаю, но руки просто невозможно держать далеко от её тела.

Зачем я дал ей эту футболку? Или она сама взяла? Явно – лишнее! Только мешает.

Вот так. Без неё все гораздо более интересно. И то, как она дрожит. И пытается прикрыться – поздно, сладкая! Ты же сама хотела сто поцелуев?

И мы не договаривались, куда именно я буду целовать!

- Слава...- выстывает моё имя, выгибая спину, когда ядвигаюсь чуть ниже.

Чувствую коготки, впивающиеся мне в спину – ничего, это можно потерпеть.

Как же кружится голова, и сводит всё от жажды!

И где взять силы, на то, чтобы...

- Десять...

- Что?

- Десять поцелуев...

- Ты считала?

- Да...

- Любишь математику?

- Люблю...

- А еще что любишь? – замираю над ней, стараясь не ды-

шать, мне нужна небольшая пауза. Я просто с ума схожу от напряжения.

- Море...

- Еще?

- Манго и персики...

- Еще?

- Хемингуэя.

- Еще?

- «Властелин колец».

- Еще?

- Изумрудный цвет.

Улыбаюсь – эта игра меня заводит еще больше. Сердце сжимается, когда на неё смотрю.

- Еще?

- Люблю брюнетов, а блондинов не очень...

- Правда? – выгибаю бровь, смахиваю со лба вечно мне мешающую светлую прядь челки, - значит, мне не светит?

- Целуй меня еще, пожалуйста... мне так хорошо... кажется, я умру сейчас... так хорошо...

- Глупенькая, не умрешь. Сейчас будет еще лучше.

- Обещаешь?

- Да...

И я снова опускаю свои губы на её сладкий ротик...

Одиннадцать.

Глава 14

Дьявол, как же хорошо!

Просто лежать рядом и дышать ею...

Никогда бы не подумал, что это будет так... так кайфово.

Просто. Лежать. Рядом.

С обнаженной девчонкой, которая с ума сводит!

Гордеев, ты реально крейзи!

Сдержался. Не позволил уговорить себя. Хотя, видит Бог, это было мучительной пыткой.

Её кожа такая гладкая, нежная... никогда не касался более идеальной.

Она вся – чистый грех. И невинность.

Я же сразу понял, что она абсолютно, совершенно неопытная!

Даже целоваться ведь толком не целовалась! Правда, у неё это отлично получается и без практики. Такие губы... Нереально оторваться.

От неё вообще нереально было оторваться. Но!

Мне нельзя было делать с ней это.

Потому что это на самом деле очень серьезно.

Не хотел бы я проснуться утром и увидеть слезы, потерянный взгляд, разочарование, грусть...

Не потому, что ей бы не понравилось – уж я бы постарался.

Просто...

Я знаю, что невинность для девушки, для такой как Яна, не пустой звук.

Зачем-то ведь она её берегла?

Вот и я... уберег.

Раннее утро, еще совсем темно, светать начнет примерно в половине восьмого, а то и позже. За окном падает снег. Обещали, что будет холодно.

Суббота, на работу ехать мне не нужно. Но удаленно кое-что сделать придется.

Интересно, Яна-несмеяна куда-нибудь спешит?

Вчера она совсем ничего не успела о себе рассказать. Я понял только, что её отец какой-то важный и явно не бедный товарищ. Даже, наверное, не товарищ, господин – ухмыляюсь про себя, видали мы таких. Мой отец, так-то, тоже не простой. Не важно.

Одета малышка в брендовые вещи, ценник я, конечно, точный не знаю, но то, что сапожки ее стоят тысяч под сто, сто пятьдесят – очевидно.

В клубах явно раньше бывала, но вот «залетела» так серьезно впервые.

И ехать после того, как я её спас Яне было некуда – это я понял. Домой она точно не торопилась возвращаться.

Конфликт с богатым и властным папенькой? Очевидно.

А почему? Мало ли...

Не думаю потому, что она транжира и гулёна. Совсем не похожа.

Она похожа на...

На принцессу. И еще...

Поворачиваюсь к ней – её голова лежит на моей руке, во-

лосы рассыпались по подушке, ротик приоткрыт, грудь поднимается и опадает.

Хорошо, что я заставил её надеть обратно футболку. Пусть ненамного, но мне так легче.

Наклоняюсь, целую её в макушку, как одержимый втягиваю носом аромат.

Вспоминаю, как выгибалось ее тело, как она дрожала, как просила меня не останавливаться, как кусала губы и...

Кричала.

Потому что я, хоть и старался сохранить её чистоту, все-таки совсем уж примерным парнем не был.

Совсем не был.

Закрываю глаза, кроет воспоминаниями...

- Слава, пожалуйста...

- Что?

- Я очень хочу, пожалуйста, не могу больше... я...

- Тише, тише... маленькая, расслабься, сейчас будет хорошо, сейчас...

Опускаюсь ниже, еще ниже, в самый центр её желания. Уговариваю себя сдерживаться, но разве это возможно? Я как одержимый. Нет, не как... я и есть одержимый.

Ею. Её невинностью, её телом, её страстью.

Чистотой.

Ароматом.

Всем...

- Слава... я... Господи, я...

Знаю, я знаю, что она чувствует. Я и сам это чувствую. Еще совсем немного. Она напрягается, прогибается в груди, старается прижаться ко мне там.

Невозможно, нереально то, что происходит со мной.

Я ощущаю каждое мгновение её страсти. Каждую секунду.

Знаю, сколько осталось.

Вот, сейчас, еще одно прикосновение и...

Она кричит, буквально забившись в судорогах и я вместе с ей. Дьявол...

- Прости...

Заглядываю ей в глаза, которые она прячет стыдливо. Обнимаю.

- Как ты, малышка...

- Не могу пошевелиться. Это... это всегда вот так?

- Как? – ухмыляюсь, потому что понимаю, о чём она. Волшебно, да...

Охренеть как сладко.

- Ты... ты меня троллишь...

- Глупенькая... Ты... ты невероятная, просто нереальная.

- Правда? Или ты... - хмыкает, губу закусив.

- Что?

- Ты всем так говоришь?

Ох, чёрт...

Нависаю над ней, взяв её лицо в ладони. Смотрю внимательно, прожигаю взглядом. Хочу, чтобы по глазам моим все

поняла.

- Яна...

- Прости, глупость сморозила...

- Ты чудо, слышишь?

- Но ты не стал... ты не сделал это...

- Я сделаю. Обещаю. – я предельно серьезен, говорю то, что чувствую. – Я буду первым, слышишь? Если ты... если ты захочешь.

- Да?

- Когда ты будешь готова.

- Я...

- Нет, не сейчас. Не сегодня, не этой ночью. И даже не утром.

- Почему?

- Потому что ты заслуживаешь волшебного первого раза, принцесса...

- Семьдесят пять...

- Что?

- М-м-м... ты должен мне еще двадцать пять поцелуев, мой Свинопас...

- Не люблю оставаться в долгу.

И мы целуемся, целуемся, пока снова нас не накрывает волной удовольствия.

После этого она сразу засыпает, и я тоже.

На часах шесть утра.

Мне так хорошо, настолько кайфово, что я бы пролежал

с ней вот так всю жизнь. Целуя в макушку и наслаждаясь ароматом.

- М-м-м... ты не спишь?
- Нет. А ты чего проснулась?
- Потому что ты не спишь.

Переплетает свои пальцы с моими.

- Ты такой большой... везде...
- Комплимент?
- Не знаю. Мне страшно.
- Почему?
- Ну...вдруг я тебе не подойду... по размеру?

Усмехаюсь.

- Ну, если не подойдешь, придется кое-что подрезать. Или растянуть.

- Как подрезать?

Опрокидываю её на спину, ложусь, прижимая к матрасу, заставляя вскрикнуть от... от моего напора.

- Лучше спроси, что растянуть, сладкая...
- Слав...
- Что?
- Мне надо... умыться...

Провожу большим пальцем по ее губе. Потом быстро целую.

- Иди, я пока приготовлю завтрак.
- Не рано?
- Рано, но я голодный как волк.

Причем во всех отношениях, но Яне пока об этом знать не нужно.

Отпускаю ее, сам двигаю на кухню, ставлю чайник, включаю гриль – горячие сэндвичи будут, кстати.

Быстро нарезаю все необходимое – ветчину, сыр, салат, помидоры – достаю специальный хлеб.

Яна заходит, когда уже все готово и остывает на тарелках.

- Можно я от тебя позвоню?

- А что с твоим телефоном?

- Кажется, у меня вчера его украли.

Хм... не очень хорошо.

- Ясно, ничего, новый купим, если хочешь – прямо сегодня, чуть позже съездим в торговый центр.

- Правда? Хорошо.

Протягиваю ей свой гаджет.

- Кому собралась звонить? Половина седьмого только.

Она показывает жестом, чтобы я помолчал.

- Алло, пап? Я жива. Всё хорошо. Да, жива, цела и невредима. Я сейчас у подруги. Выпью кофе и вызываю такси. Нет, не надо приезжать. Пожалуйста! Пап! Ну па! Адрес я не скажу, надо – пробивай сам по геолокации! Мне надоело сидеть как в клетке! Всё!

Геолокация? Интересно. Яна явно расстроена.

- Прости, мне надо бежать. Не хочу, чтобы они к тебе домой заявились.

- Кто?

- Папины архаровцы. Охрана.
- Пусь попробуют.
- Ты не понимаешь. Зря я твой телефон взяла. Они наверняка уже пробили, где я и... и с кем...
- Твой отец прямо как Брюс- Всемогущий!
- Да уж, - она совсем мрачнеет, делает шаг, чтобы пойти к своим вещам, но я ее останавливаю, притягивая на коленки.
- Слав, не надо. Они приедут сейчас, и...
- Не приедут.
- Как так? По телефону отследить...
- Спорим?
- На что? – азартная мне попалась девушка!
- Давай не будем нарушать традиции. Сто поцелуев принцессы!

Принцесса!

В этот момент понимаю – осенило! Сообразил, где я ее видел, и почему сразу, не задумываясь назвал принцессой.

Глава 15

Сумасшедшая ночь. И я... я тоже сумасшедшая!

Смотрю в зеркало в ванной комнате и не узнаю себя. Я...

Я, кажется, влюблена.

Кажется? Да, я не уверена, потому что даже не представляла, что так бывает.

Дотрагиваюсь осторожно до своих губ...

Сто поцелуев.

У меня довольно пухлые губы, а сейчас они выглядят...

зацелованными.

И вся я выгляжу...

Он ведь не только в губы целовал! Вспоминаю и... жар к лицу приливает. Мне казалось раньше – я не умею краснеть. Кожа у меня достаточно светлая, но вот этот румянец смущения, который так любят описывать в книгах – его я за собой никогда не замечала. А с ним...

Со Славой, пожалуй, научишься, после тех вещей, которые он со мной вытворял. Ох, мамочки...

Почему он не сделал этого?

И как хорошо, что не сделал!

Он был прав. Нельзя вот так...

Нет, я не жалела бы о том, что потеряла невинность именно с ним, со Славой. Наоборот. Это было бы очень здорово я думаю...

Снова лицо горит. Было бы? Или будет?

Да, я хочу, чтобы это был он.

Очень хочу.

Но теперь понимаю, что если бы все произошло этой ночью – это было бы не то. Не так.

Умываюсь ледяной водой. Я всегда так делаю. Мама приучила. Заставляла с детства, повторяя, что кожа мне потом спасибо скажет.

Да, сегодня моя кожа определенно говорит это спасибо, потому что ледяная вода помогает чуть-чуть снять жар.

Сто поцелуев...

О чём я вчера думала, когда пришла к нему в комнату в его футболке, надетой на голое тело?

Ни о чём. Я не думала. Мне просто очень хотелось, чтобы рядом был он.

Потому что он ни на кого не похож, ни на кого из тех, с кем я общалась раньше.

Не мажор, и не ботан. И явно не из золотой молодежи, хотя одет в брендовые вещи, живет в пределах Садового – я не знаю точных цен на такое жилье, но понимаю, что стоит оно прилично, даже если он арендует эту квартиру.

Значит работает и зарабатывает?

Он вроде бы говорил сколько ему лет. Или не говорил? Понимаю, что он меня старше, лет на пять точно.

И что дальше, Яна? Ты же понимаешь, что отец не будет доволен твоими отношениями с этим парнем?

Папочке необходимо чтобы я вышла замуж за нужного человека.

Ох, я, кажется, уже и замуж за Славу собралась? Улыбаюсь, своим мыслям.

Дурочка.

Я ведь все понимаю. Слава будет всего лишь необыкновенным приключением, ярким, острым, запоминающимся. Коротким.

Возможно, сейчас мы позавтракаем, я поеду домой и... всё.

Нет. Не хочу. Не хочу, чтобы заканчивалось вот так.

Хочу увидеть его еще раз. Может и не один.

Почему я должна делать так, как говорит отец? Почему я должна жить жизнью, которую для меня спланировал папа?

Не хочу выходить замуж по расчету! Не хочу быть красивой куклой, ходячим манекеном! Не хочу быть для мужа просто удобной спутницей, которую не стыдно вывести в свет и которая родит детей с приличным генофондом!

Да! Хочу устроить бунт на корабле!

Я его уже устроила, когда сбежала вчера из дома отца, провела охрану...

Папе, конечно, надо позвонить, а то... а то рискую надолго сесть под домашний арест.

Заканчиваю умываться, выключаю воду. Наверное, мне нужно было надеть мои вещи, но футболка Славы такая уютная!

В квартире обалденно пахнет кофе и чем-то еще, очень вкусно!

Для меня еще никогда не готовили завтрак. Вернее, конечно, готовили мама, потом домработница, кухарка... но это не то.

Мне впервые приготовил завтрак парень. Мужчина.

Вижу его, колдующим над кухонным столом и сердце замирает.

Какой же он высоченный! И такой... красивый! И очень обаятельный!

У него такая улыбка – с ума сойти! И глаза... И губы...

да-да, я хорошо помню, как на его губах залипла...

Еще мне нравится его шея, кадык, плечи широченные... Он надел майку, но мускулатура видна отлично.

Снова чувствую жар на щеках.

Слава... Мой первый. Уже первый. Да. Несмотря на то, что самого главного не было.

Он словно чувствует взгляд, поворачивается, улыбается.

По телу проходит горячая волна. Я не хочу никуда отсюда уходить. Хочу остаться с ним. Навсегда.

Думаю, об этом и тут же тушуюсь... Хочет ли он, чтобы я осталась?

Зачем-то сразу прошу у него телефон, чтобы позвонить папе. Глупая гусыня. Голова не варит совсем. Не соображаю, что отец может подключить службу безопасности и они отслежат звонок! Чёрт возьми...

Понимаю, что мне нужно быстро уезжать. Мало того, придумать какую-то историю, почему я звонила с телефона незнакомого парня, а не подруги.

Слава не понимает всей трагичности ситуации. Пытается шутить, но мне уже не до смеха. Нужно одеваться, и...

Он не дает, хватает меня своими большими, сильными руками, притягивает на коленки... ох, как же... как же уютно вот так, с ним! Но...

Сама виновата! Зачем было сразу звонить?

– Слав, не надо. Они приедут сейчас, и...

- Не приедут.

Улыбается! Не понимает, всей серьезности ситуации. Пытаюсь втолковать, но он перебивает.

- Спорим?

Еще и спорить готов? Ну, хорошо!

- На что? – говорю, а сама понимаю – зря, ох зря! Добром ведь не кончится!

- Сто поцелуев принцессы!

Смотрит на меня, словно изучая, а я дрожу, потому что очень хочу, чтобы он выиграл свои поцелуи!

Не выдерживаю, сама прижимаюсь к его губам.

Первый.

Не знаю, сколько мы целуемся, я ничего не соображаю уже, когда отрываюсь, чтобы вздохнуть.

- Завтрак совсем остыл, принцесса. Сэндвичи я разогрею, кофе придется варить новый.

- Мне... надо ехать.

- Мой телефон служба твоего отца не отследит. Не волнуйся. Спокойно позавтракаем, потом поедешь домой. Если захочешь.

- Если захочу?

Он думает у меня есть выбор?

- Ну, есть предложение провести еще один день вместе. Можем погулять, в кино сходить?

Он это серьезно? Погулять! В моих сапогах только гулять! И курточка осенняя, о чём я только думала, правда, когда вот так вырядилась?

- Вызовем такси, доедем до ближайшего молла, купим тебе угги и пуховик, и джинсы, и свитер, - он мысли мои читает!

- И... где гулять будем?

- Можно просто по центру, можно в Зарядье, пообедал бы я в «Депо», ты там была?

- Кто не был в «Депо»? – улыбаюсь, потому что мне очень нравится его предложение. Очень. И очень хочется провести день с ним.

И ночь. Еще одну.

- Ну что, Яна-несмеяна, остаешься?

Глава 16

- Та-дам!

Очередной выход из примерочной – джинсы, растянутый свитер «оверсайз», нелепая шляпка-грибок и я, изображающая супермодель. Лихо виляю бедрами, стараюсь удержать непроницаемое выражение на лице, прохожу мимо ряда кабинок, резко поворачиваюсь, замираю в странной позе, а потом, хохоча, падаю прямо на грудь моему спасителю.

Я невозможно, невероятно счастлива!

В моей жизни - роскошной, успешной, такой, о которой другие могут только мечтать – не было дня лучше!

- Не-ет, Несмеяна, шляпку в топку, свитер туда же, джинсы еще куда ни шло, но... Нет.

- Почему-у-у? – капризно надуваю губы.

- Патамушта, - в тон мне отвечает Слава, стискивая меня

в объятиях и с улыбкой глядя в глаза. – они недостаточно хороши для твоей пятой точки.

- Ты сам выбирал!

- Прокололся, с кем не бывает! Что еще осталось?

- Ну... Там мно-ого... - реально, в примерочной еще куча вешалок.

- Так вперед! Переодевайся!

- Я уже устала, давай возьмем тот белый свитер и синие джинсы!

- Слабачка! Устала от шоппинга? Не верю! Давай, меряй то красное платье.

- А зачем платье? – удивленно поднимаю бровь, одну – научилась у папочки.

- Потому что я так сказал! – Слава тоже поднимает одну, ухмыляется, а я смотрю на его губы, и...

Хочу получить поцелуй.

Двадцать второй. Мы пока не сильно продвинулись. Но день только начался.

- Давай, давай, красное платье!

- Тиран! Абыюзер, и сатрап! – показываю язык, скрываюсь в примерочной.

Успеваю снять джинсы и свитер, остаюсь в одном белье, и тут же оказываюсь прижатой к холодному зеркалу.

- Что ты делаешь! – шепчу испуганно, - а если увидят?

- Что-нибудь придумаю, м-м-м... какая вкусная...

- Я вся вспотела...

- Я люблю соленьенькое.

- Ты... невозможный!

- Да!

- Жуткий тип!

- Да!

- Из... извращенец.

- О, да! – каждое свое «да» он сопровождает легким поцелуем, доводя счет до двадцати четырех. А я таю...

- Слава...

- Что?

- Я... я не знаю...

Он смотрит на меня так, словно я... самый лучший его подарок, и я пылаю от этого взгляда, и от мягких губ, опускающихся на мои.

- Хочешь поехать домой? Или все-таки погуляем?

Поехать домой и... Ох, я понимаю, о чем он. На этот раз ведь пощады мне не будет. Никто не станет отказываться от сладкого, или соленого...

И у меня внутри все трепещет от предвкушения. Но...

- Погуляем...

- Тогда платье? И, уговорила, белый свитер и те синие, ты в них просто бомба!

- Молодые люди, вы там чем занимаетесь? – громкий голос заставляет нас замереть, я напугана до чёртиков – понимала же, что нас могут застукать! Еще неизвестно, чем это закончится! А вдруг...

Холодок бежит по спине. Если попросят документы? У меня их нет при себе, но... надо же будет сказать, кто я такая? Вдруг вся эта история дойдет до отца?

- Извините, моя девушка не могла платье расстегнуть, а никого из сотрудников не было, - Слава высовывается из-за дверцы, обаятельно улыбаясь администратору зала, худощавой даме лет тридцати.

- Расстегнули?

- Да.

- Тогда на выход. Если вашей девушке понадобится еще помощь, я справлюсь.

- Спасибо! – Слава подмигивает мне и выходит.

Господи, это просто фантастика! Я на самом деле и представить себе не могла, что бывает вот так!

Чувствую себя героиней какого-нибудь голливудского фильма о подростках.

О первой любви.

А ведь... ведь реально он моя первая любовь?

Ну, если это любовь, конечно...

Глупая Яна! Конечно! А то ты сама еще не знаешь!

Любовь.

Никогда я не чувствовала и близко ничего похожего. Никто не вызывал у меня таких эмоций. Никого не хотелось узнать ближе. Видеть. Трогать. Целовать.

Ни с кем не хотелось проводить время вот так – дурачась, смеясь, корча смешные рожицы, кидаясь попкорном – о, бо-

же, да и это тоже!

И целоваться, сидя на заднем ряду кинотеатра, где показывают какую-то непонятную картину, билеты на которую были куплены только потому, что сеанс начинался сразу и картина длилась целых два часа.

Два часа целоваться в кино! Мамочки!

А самое смешное, что поцелуев в итоге вышло не так много – они были слишком длинными. И когда мы покидаем зал я тихонько шепчу:

- Сорок!

- О, боже... осталось шестьдесят? Это нереально...

- Что? – притворно ужасаюсь, и луплю его по плечу. – а ну, соберись, тряпка!

И снова мы смеемся, Слава обнимает меня.

- Гулять?

- Ага!

- Не замерзнешь?

- Теперь точно нет!

Мы купили мне угги – не настоящие, какой-то французский бренд, зато не замшевые, а кожаные. Джинсы и целых два свитера. И красное платье. И черную кружевную рубашечку, очень... открытую, от которой у меня жар по телу.

Еще пуховик – оверсайз, такой же фирмы как у Славы, и такой же модели, так что теперь мы как близнецы. Еще шапку и длинный-длинный шарф. Мне уютно и тепло.

И немного стыдно, потому что Слава сам за всё платил.

Когда я достала карточку в первом магазине он так посмотрел на меня, что я тут же взяла и убрала её обратно.

Вещи, кстати, совсем не дешёвые, конечно, не «Шанель» и не «Виттон», но...

- Слав, я... я могу вернуть деньги, потом, я...

- Серьёзно? Можешь вернуть? – ухмыляется, потом поддевает мой нос, целует в него, - Давай, ты другим способом расплатишься, а?

- Каким? – сглатываю, почему-то тушуясь.

- Проведешь со мной этот день? Ведь это я тебя позвал на прогулку, если бы не это, вещи тебе бы не понадобились?

- Это не расплата...

- У нас еще поцелуи не кончились, так что...

Мы идем по бульварам. Он рассказывает истории из своей студенческой жизни. Потом мы оба вспоминаем наш родной город. Рудник.

- А ты знаешь аллею деревянных идолов?

- Идолов? – он как-то странно на меня смотрит, потом смеется, - да, ладно? Тебе кто-то рассказал?

- О чем?

- Об идолах! Это же я их так называю!

- Ты? Вообще-то это я придумала, когда их еще только-только поставили! Я тогда классе в третьем училась.

- Врушка, это я придумал, мы с друзьями как раз играли в игрушку, там были деревянные скульптуры разных богов, и мы приходили в парк, устраивали там бои.

- Да? Значит я вас видела! Точно! Я там часто гуляла и видела, как какие-то придурки носятся, и орут.

- Это точно были мы! Надя тоже говорила, что могла нас видеть... - он произносит фразу и замирает, закусывает губу, потом выдыхает, ухмыляясь, - Прости...

- Кто такая Надя? – чувствую, как колет внутри. Неприятно. Болезненно.

Надя... его девушка? Бывшая, или...

- Случайная знакомая, можно так сказать.

- А можно и не так?

Мы останавливаемся, смотрим друг на друга. Мне неловко. Зря я спросила. Но в то же время... я ревную?

- Мне казалось, я в неё влюблен. Но у неё был любимый мужчина, она к нему уехала. Вот и всё.

- И всё? – да кто же меня за язык тянет!

- Всё. На самом деле. Я тебе потом расскажу, если захочешь. Не ревнуй.

- Я не ревную!

- Неужели? Видела бы ты себя!

- Знаешь что! – выпаливаю с вызовом, потом вырываюсь из его объятий и быстро иду вперед.

Бесит! Еще мне не хватало ревновать его к какой-то Наде! Да мне плевать!

Господи... я что, реально ревную?

Сильные руки быстро тянут меня назад, и в сторону, вжимая прямо в дерево. Высокая фигура нависает.

- Ты такая красивая сейчас... Просто с ума сойти.

Слава говорит очень тихо, а у меня голова кружится от этих слов, от его запаха, от его близости.

- Я боюсь тебя целовать на морозе, потом губы будут болеть... - его большой палец оттягивает чуть-чуть нижнюю.

- Значит... надо идти в тепло?

- Да. Только мы хотели пообедать?

- Можно заказать?

- Можно... Но... я не хочу торопиться.

А я хочу! Очень хочу, чтобы он поторопился!

Почему-то мне кажется, если между нами все произойдет то мы уже не расстанемся. Я скажу отцу, что мне плевать на его планы, женитьбу, выгодного мужа и все остальное. И вряд ли тот самый выгодный муж захочет девушку, которая уже не девушка?

На самом деле, эти мысли, они идут так, фоном. Это не главное. Я не использую Славу для того, чтобы поменять свою жизнь.

Слава меняет мою жизнь.

Я влюблена. И хочу просто быть счастливой.

Разве я не заслужила свой глоток счастья?

Глава 17

Яна-несмеяна, оказывается очень даже «смеяна». Улыбчивая, смешливая, веселая. Такое ощущение, что она дорвалась до свободы.

Уверен, так оно и есть. Она не много рассказывает о себе,

впрочем, я пока и не спрашиваю. Не хочу.

Достаточно того, что я и сам уже теперь знаю. Да, разумеется, пришлось немного «поуглитель».

Яна Игоревна Янковская, дочь бывшего губернатора нашего края.

Курская принцесса. Именно так её называли в ряде статей о её отце. Начальную школу окончила в нашем Руднике, потом училась в столице, пару лет провела в Лондоне. Собиралась поступать в заграничный ВУЗ, но папа решил, раз он работает в правительстве страны, его единственная дочь обязана учиться на Родине. Не самое популярное решение, среди наших политиков, но, в общем, я бы его одобрил.

Непростая девочка, совсем не простая. И я понимаю отца, который контролирует каждый её шаг.

Я бы такую девчонку вообще одну никуда не отпускал.

Да он и не отпускает – это я понял.

И в тот клуб она, реально, случайно попала. Взбрыкнула, сбежала. Достало быть под колпаком.

Смотрю на неё, такую веселую, открытую, счастливую. Отпускать дико не хочется. Но я понимаю, что...

Вряд ли её папа будет сильно доволен отношениям с простым парнем вроде меня.

Да, я простой. Несмотря на то, что сам к своим двадцати пяти уже довольно многого добился несмотря на то, что отец мой имеет неплохую компанию, и живет в Европе, да и мама вполне состоявшаяся бизнес-леди.

Для такого человека как Янковский я мелкая сошка. Я это прекрасно понимаю, отдаю себе отчет.

Но также я отдаю себе отчет в том, что Яна мне очень нравится.

Нет, нравится – слишком слабо.

Я... Я очарован. Сражен. Я...хочу быть с ней. Я чувствую её. Как часть себя.

Что там говорят о том, что каждый человек – это половинка? И счастье найти вторую, чтобы стать целым?

Может, об этом рано говорить, может я тороплю события, но...

Рядом с ней сердце не стучит, оно поёт. Половинка.

Едем в такси к «Депо» - модное столичное место с ресторанами и кафе, Яна рассказывает, как была там с подругами, одна из которых решила участвовать в конкурсе – предлагали съесть что-то очень острое. Слушаю её, улыбаюсь, а сама думаю.

Всего месяц назад мне казалось, что я влюбился.

Надя. Хрупкая милая девушка с большими серыми глазами, тихая, скромная, нежная. Знаете, есть такие девушки, их сразу хочется защищать, они будят в мужчине рыцаря. Она понравилась мне сразу. Мама рассказала, как они познакомились, потом Надя и сама поведала свою грустную историю.

Её выгнал парень, которого она любила. Выгнал беременную. Парень совсем не простой. Слепой инвалид, у которого

она работала сиделкой.

Мне эта история сначала показалась фантастичной. Нет, я не думал, что Надя обманывает, но... Интернет, конечно же, знает все обо всех. Я поискал информацию про её работодателя. Семейство Умаровых, широко известное в узких кругах. Богатые, очень богатые. Какие-то там у них были траблы. Старшего чуть не убили, младшего в машине подорвали – горцы перешли кому-то дорогу.

Конечно, такая семья и вдруг девушка Надя. Воробушек. Понятно, почему она там оказалась не ко двору!

Мне тогда хотелось найти этого слепого мачо и хорошенько уписать с ноги, несмотря на инвалидность.

Надя ходила как в воду опущенная, прозрачная вся. Тихая.

Я физически чувствовал её душевную боль. Мне хотелось её защитить от всего мира.

Нежный, сладкий, милый Воробушек. Она просила не называть её так, и это бесило. Видимо, этот мурак так её называл.

Я всерьез думал о женитьбе. Меня хорошо потряхивало рядом с ней.

Женился бы, если бы этот чудо-горец не позвал её назад.

Надя уехала очень неожиданно, хотя она говорила, что время её отпуска подошло к концу, и надо решать – оставаться дома, в Руднике или возвращаться в столицу. Все равно отъезд был неожиданным и стал для меня ударом.

Да, было тяжело. Тем более, Надя не звонила, на связь не выходила, даже матери ничего не написала. Я злился, хотя и понимал её. Наверное, не хотела лишний раз делать мне больно.

Когда я вернулся в столицу у меня была мысль её разыскать, но потом я решил, что не стоит. Не стоит мучать себя и её.

Я надеялся, что Надя счастлива. И думал, что должен радоваться за неё.

Первое время как-то было пусто внутри, и горько. Потом прошло. Втянулся в работу, стал больше общаться с друзьями, знакомился с девушками.

Любовь прошла.

А была ли это любовь, или... реально просто желание помочь? Защитить слабого? Быть мужчиной?

- Слава, ты куда улетел?

- Я? – дьявол, как неловко вышло. Улыбаюсь Яне, чуть сильнее обнимая, прижимая к себе, - я думаю, что бы нам такое съесть сегодня? Устриц? Карри? Или...хороший стейк?

Яна хмыкает, морщит носик, и притворно бьет меня по рукам.

- Врунишка! Просто устал от моей болтовни, так и скажи!

- Разве можно от тебя устать, принцесса?

- Не знаю... Папин помощник говорит, что я могу мертвого достать.

- Да, есть немного.

- Ах ты... - на меня обрушивается целая серия ударов маленькими, милыми кулачками, в конце которой я захватываю её ладошки чтобы поцеловать.

- Мы приехали. – какие же у неё красивые глаза, очуметь... Понимаю, что смотрю на неё и улыбаюсь как дурак.

Просто улыбаюсь тому, что она рядом. А она смущается, позволяет мне помочь ей выйти из машины, разрешает обнять и даже легонько поцеловать.

- Нельзя на морозе... ты сам говорил.

- Нельзя. Но очень хочется.

- Давай там сядем где-нибудь в уголке, не на виду, хорошо?

- Боишься знакомых встретить?

- Нет, - опускает глаза, - просто в уголке можно целоваться.

В этот момент мне кажется, что у меня внутри растет что-то большое, горячее, радостное, светлое, как будто появляются крылья и хочется весь мир обнять.

Я чертов счастливчик. Я встретил необыкновенную девушку! Я...

Мы обходим зал – скорее огромный ангар, в центре которого подобие рыночных рядов, там продают фрукты, какую-то посуду, поделки – разную ерунду. Нам обоим дико нравятся деревянные утки, и я покупаю одну – это скорее селезень, он на лыжах. Прикольный. Дарю его Яне, она хочет, тут же придумывая куда его поставит.

Еду выбираем долго – выбор огромный. Тут и вьетнамская кухня, и японская, и индийская, и корейская, и китайская, всякие гады морские, стейки, в общем, на любой вкус.

Наконец, с большими подносами всякой всячины находим местечко в уголке.

- Ну что, я заслужил, наконец, очередной поцелуй?

Яна смотрит на меня внимательно, улыбается, потом сама подвигается ближе, наклоняет мою голову и целует. Дьявол.

Я люблю её.

- Скажи, там в такси, ты думал о ней, да? Об этой... Наде?

Глава 18

Мама всегда говорила – не вздумай показывать мужчине что ты ревнуешь, когда ревнуешь реально, но при этом делай вид что ревнуешь, когда ревности нет и в помине. Я не понимала – как так-то? Она усмехалась и объясняла:

- Понимаешь, доченька, мужчины очень любят, когда их ревнуют. Они же все как павлины, надо хвост распушить и вперед. Приходится им иногда чесать зудящие места. Но вот когда повод реально есть – надо сделать вид, что тебе всё равно. Макнуть его с головушкой в ледяную прорубь, пусть не мнит о себе...

Мне тогда казалось, что мама какие-то глупости говорит. А сейчас...

Ревную. Почему-то сразу мир меркнет. Все вокруг из искрящегося, радужного, яркого, становится тусклым, мёртвым.

Значит, у Славы была девушка? Он любил её? И как давно это было? Может, он её не забыл, а я... Я просто временное явление, заменитель? Просто тренажерчик для того, чтобы забыть о настоящих чувствах?

Надя.

«Мне казалось, я в неё влюблен. Но у неё был любимый мужчина, она к нему уехала. Вот и всё».

Всё ли?

Я не должна о ней спрашивать! Не должна ревновать! Не должна! Но...

Не могу выносить этот мрачный мир! Хочу знать! Пусть скажет!

Я понимаю, что он может и соврать, но почему-то чувствую – не соврет! И... еще почему-то уверена, если даже и соврет – я об этом узнаю.

Мой вопрос явно ставит его в тупик, он смотрит в тарелку, потом поднимает на меня свои синие-синие глаза.

- Ты хочешь, чтобы я о ней рассказал?

Сердце колотится, сейчас выскочит. И снова на щеках жар.

- Хочу. – сглатываю, закусываю губу, чёрт, зачем я... - Нет, не надо. Не хочу. Мне без разницы... Давай поедим, и...

- Я правда был уверен, что влюбился в неё. В неё, как мне кажется, сложно было не влюбиться. Если бы... если бы ты её увидела, я уверен, тоже бы сразу её полюбила. Знаешь, есть такие люди. Светлые. Вот такая была Надежда... То есть

не была, и сейчас есть где-то... кстати, в Москве.

Я силюсь улыбаться, но чувствую, как сводит щеки. Светлая, значит, в которую нельзя не влюбиться. А я? Получается я не такая? Или...

- Она была беременна от парня, которого любила, а он выгнал её из дома.

- Что?

Меня как-то шокирует эта история. Получается, он полюбил девушку, беременную от другого? Да уж... наверное, она действительно была необыкновенная, эта Надя, то есть не была. Есть.

Слава рассказывает историю, и я на самом деле обалдеваю от подробностей. Слепой мажор, инвалид, сиделка, влюбленная в него. Просто турецкий сериал какой-то...

- Он не знал о её беременности, сказал, что им надо расстаться, выгнал её, по сути. Она уехала в родной город – в наш Рудник.

Слава рассказывает, а я слушаю и удивляюсь, как хорошо он говорит. Не в том смысле, что интересно, просто... хорошо, о близких людях. О маме, об этом... Воробушке...

- Получается, твоя мама ее прямо с поезда домой привезла? Незнакомую девушку, без документов?

- Да, мама у меня такая. Она сразу чувствует людей. Ты бы ей понравилась.

- Думаешь? Я ведь... избалованная принцесса?

- Принцесса да, - он улыбается, - избалованная, есть

немного.

- Что? – притворно обижаюсь, но он смеется, обнимает меня, притягивая.

- Принцесса и должна быть избалованная, разве не так? Я бы тебя только баловал. Какой у нас там счет?

- Счёт? – я не сразу поняла о чём он, - Пятьдесят четыре.

- Не порядок, нужно чтобы было пятьдесят пять. Поцелуй меня.

Почему-то он становится серьезным. И я. И мне очень хочется его поцеловать. А еще я поняла, что он больше не любит Надю.

Не знаю как, но поняла. Уверена. И... внутри очень жарко.

Сглатываю, не отрывая от него глаз.

- Пятьдесят пять.

- Красивая цифра.

- Да.

- А шестьдесят еще лучше.

Он улыбается, и опять целует, так нежно, осторожно. Хорошо, что мы сели в каком-то закутке, сюда народ не доходит, все предпочитают места в центре. Только успеваю так подумать и вижу парочку – такие же как мы, явно, молодые, влюбленные, в поисках мест для поцелуев.

- Ты любишь меренговый рулет? – Слава, улыбаясь убирает с моего лица прядь волос.

- Люблю, но не уверена, что сейчас смогу еще что-то

съесть.

- Это ты точно съешь! Пойдем? Пора уступить место другим.

Он тоже заметил, что парочке нужно уединение.

Мы перемещаемся, в кафе, где Слава заказывает кофе и тот самый меренговый рулет, правда, безумно нежный и вкусный. Не могу отказаться!

- А что дальше случилось с Воробушком? Почему она уехала?

Спрашиваю уже без всякой ревности, действительно интересна судьба этой девушки. Слава усмехается, отпивает кофе, у него остаются смешные усики из пенки, которые я стираю большим пальцем.

- Наде сказали, что этот её горец оказывается её ищет. Узнал как-то о том, что она в положении. Да и документы её нашлись, она, собственно, за документами сначала поехала, а потом сразу в Москву.

- И что горец? Она его простила?

- Увы, этого я не знаю.

- То есть как?

- Ну... Надя уехала и всё. Не позвонила, не написала. Телефон отключила.

Странная девушка. После всего, что Слава и его мама для неё сделали?

- Может, с ней что-нибудь случилось?

- Что? – Слава усмехается, немного горько, - Думаю, горец

с ней случился. Наверное, умолял о прощении. Я бы на его месте умолял.

- Ты бы не оказался на его месте.

Он вскидывает на меня глаза, синие-синие... Они такого цвета как Средиземное море в одном местечке, в Турции. Есть там такой маленький уютный городок – Каш. И море там как лазурь. Необыкновенное. Я такого больше нигде не видела.

- Ты бы никогда не выгнал беременную девушку. Не поступил бы подло.

- Ты так во мне уверена?

- Да.

Отвечаю прямо, потому что я действительно уверена. Он не способен на подлость. Я чувствую. Я даю себе право это чувствовать.

Не хочу, чтобы было иначе. Не хочу!

Потому что за эти сутки он стал значить для меня слишком много. Я просто провалилась в него, нырнула, и не хочется обратно.

Хочется поскорее вернуться к нему в квартиру.

- Несмеяна...

- Что?

Говорим шепотом, почти не отрываясь друг от друга.

Кофе выпит, рулет почти съеден. Он еще купил мои любимые «макарони» и эклеры. Я шучу, что за день с ним съела больше, чем съедаю за неделю дома, хотя наш повар готовит

безумно вкусно.

- Поедем домой?

Как он это сказал – домой! И снова так тепло внутри. Домой. Я на самом деле как будто в родной дом возвращаюсь, так мне было хорошо там.

И будет еще лучше, я уверена в этом!

Мы выходим из «Депо» обнявшись, я шутливо обвязываю нас моим длинным красным шарфом. Словно привязываю его к себе.

- Никуда не денешься!

- А я и не собирался.

- И отлично. Такси заказал?

- Да, через три минуты подъедет.

- Яна Игоревна, добрый день.

Глава 19

Серьёзный мужчина в строгом костюме и пальто. Охрана её отца? Или служба безопасности – как это у них там правильно называется?

Мы с Яной продолжаем обниматься, но я чувствую её мгновенное напряжение.

- Добрый день, Николай Петрович.

- Вам нужно проехать со мной.

- Куда?

- Домой. Отец ждёт.

- Ждёт? Ну, ничего, подождёт. Я занята.

- Яна Игоревна, лучше поехать, вы же знаете.

Я молчу, понимая, что сейчас лучше не вмешиваться. Но внутри, конечно, поднимается нехорошее предчувствие.

Яне не нужно ссориться с отцом сейчас. Просто потому, что если она взбрыкнет, устроит какой-нибудь демарш, то наши отношения точно можно считать законченными.

Дьявол, да наши отношения изначально обречены, я ведь это прекрасно понял, когда сообразил кто она и кто её папаша.

Вот только... Я к этому не готов. Не готов сдаться, признать поражение. Не готов опустить руки.

Я уверен, что за такую девушку стоит побороться. Даже если соперник в данном случае – её отец.

Но бороться ведь тоже нужно с умом, правда? Поэтому иногда лучше проиграть сражение, чтобы потом иметь возможность выиграть войну.

- Яна Игоревна.

- Николай Петрович, можете передать папе, что у меня все хорошо. Я ему потом позвоню.

Моя принцесса смотрит на меня, улыбается – за такую улыбку можно что угодно сделать.

- Поехали, такси уже ждет!

На самом деле на дороге стоит желтая машина с нужными нам номерами.

- Ян, два слова.

- Что? – смотрит так же улыбаясь, а я понимаю, что моё

предложение ей совсем не понравится.

Да что говорить, оно и мне самому не нравится! Но... Так будет лучше. Не стоит злить её отца.

- Янка, выслушай меня, не перебивай, хорошо? Тебе сейчас лучше поехать домой...

- Что? – выражение лица принцессы мгновенно меняется.

- Я же сказал, не перебивай! Ты ведь хочешь увидеть меня еще раз, да? Хочешь, чтобы мы могли встречаться?

- Я не понимаю...

- Подожди, дослушай. Если ты сейчас разозлишь своего отца, он тебя запрет и больше не выпустит, или отправит куда-нибудь за тридевять земель. И общаться со мной запретит точно.

- Я...

- Ян, я знаю кто твой отец.

- Что? – да, удивлять я умею.

- Я тебя узнал, ты же одно время в Руднике была популярной персоной. Плакаты с твоим личиком по всему городу висели. Курская принцесса, помнишь.

- Почему ты мне не сказал?

- А это бы что-то изменило? Лично мне не сильно важно чья ты дочь. Важно другое... Ты важна, понимаешь?

- Нет. Если я важна, почему ты меня сейчас отправляешь?

- Потому что нельзя ссориться с твоим отцом, пойми. Он... он реально за тебя волнуется. Где ты, с кем, что с тобой. Поедешь домой, расскажешь, что... просто познакомилась с

земляком, погуляла с ним по Москве. Ты же не хочешь, чтобы твой отец внес меня в черный список.

- Ты его не знаешь. Он и так это сделает. Если меня сейчас увезут, то это всё, понимаешь? Всё! Всё! – она кричит, начинает плакать, буквально биться в истерику.

Обнимаю, прижимаю к себе – мы всё еще связаны её шарфом, и у меня мелькает мысль, если убрать этот шарф, то действительно всё! Сердце камнем падает под ноги...

Смотрю над её головой на мужчину, который приехал за Яной. Он тоже на меня смотрит. Словно сканирует. Я уверен, информация обо мне будет на столе отца Яны через час, если не раньше.

И что он скажет, прочитав моё досье?

Скорее всего даст задание своим «безопасникам» не подпускать меня к его дочери на пушечный выстрел...

- Янка, успокойся...

- Нет, не хочу... не поеду домой.

- Тише...

- Пусти, с тобой тоже не поеду! Трус...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.